

Апекс Новицкий

18+

ПРОКЛЯТЫЕ БОГИ

Беззаветное отрицание

Апекс Новицкий

**Проклятые боги:
Беззаветное отрицание**

«Автор»

2025

Новицкий А.

Проклятые боги: Беззаветное отрицание / А. Новицкий —
«Автор», 2025

Однажды старец, воплотясь, лелеять начал мир, Но каждый штрих и дар его
усмяглый ум томил. От вечных тягот и забот творец опостылел, Отдал всё в
руки сыновьям и без следа истлел. Роман является первой книгой в серии и
повествует о сотворении мира могущественными существами, чьи амбиции
способны задать его направление. В центре внимания - история маленького
человека, насильно втянутого в круговорот сверхъестественных событий.
Эйн Фельтнер не ожидал, что среди триллионов подобных существ, худшая
участь выпадет именно ему. Обречённому на вечность скитаний, судьба даст
полубогу выбор: принять исход или бороться с её перипетиями до самого
конца. Мир не всегда делится на черное и белое. Сможет ли герой разгадать
тайну своего рождения и оборвать нити высших сущностей, либо станет их
послушной марионеткой?

© Новицкий А., 2025

© Автор, 2025

Апекс Новицкий

Проклятые боги: Беззаветное отрицание

Игра теней, о город при свечах!
Меандр увиваний ображѐнных
В телах зверей – гуляние в ночах,
Отдушина сердец непринуждѐнных.
Скажи мне лжец, судьба к тебе нема?
Во врѣтище во время карнавала,
Тряпьѣ и пепел, карты и вина.

Застой, метаморфоза, к чистоте
На смольном флаге искупление вzywало,
Какая шутка привела меня к тебе?
Пророча смерть, забыл, как бдить начало?

– Моя вина ясна как мира лик.
Присядь и карты вновь тебе расскажут.

– Расскажут, как меня надул старик?

– Я вижу прошлое, того не заберѣшь,
Лишь потому, что на меня ты был похож.
Пролог. Пеан бездне.

На пустыре стоял нагой человек, по колено погруженный в оплавленный песок. Вскинув голову вверх, он что есть сил кричал, дабы заглушить боль. Уходя всё глубже в бурлящее тягучее вещество, мужчина средних лет раз за разом проговаривал слова проклятия, застрявшие у него на устах. Кровь закипала, кожа горела. Наконец, решившись, Эйн подал торс вперѣд, падая в раскаленную субстанцию и... в последний момент выставил руки, обрекая себя на еще большие страдания.

«Чем я заслужил подобное?! Каких богов прогневал? Неужели на этот раз всё закончится так глупо?», – вопросы путались в его голове, боль цунами захлестывала тело, и запекшаяся кровь непроглядной пеленой обволакивала выжженные глаза.

Еще долго бы крики расходились по испаленной земле, но мужчина почувствовал, как надламываются его хрупкие опоры и испустив полный неразумения и страха вопль устремился в объятия своей смерти.

Удар!

За круглым столом, усыпанным мириадами мерцающих и переливающихся точек находилось трое существ. Зал Плеяд казался неохватно обширным и в то же время ничтожно малым, как большой остров среди целого океана или луна в объятиях бескрайнего неба. Без стен и сводов, парящая черно-мраморная платформа идеальной формы, по периметру уставленная симметричным количеством белокаменных коринфских колонн. Удивительный контраст, придающий зале божественную изысканность.

– Найди его! Ищи снова!

Удар!

Худощавый, невысокий юноша стоял, опираясь на круглый стол, удары по которому сотрясали пространство вокруг. Он сел, запустил обе руки в растрепанные черные волосы и

сжал кулаки до белизны костяшек, после чего устался в мерцающий черный мрамор. Страдающий разум старца в теле юнца. Круги под глазами, бессодержательный взгляд. Болезненно белая кожа и впалые щеки. Как физическая, так и читаемая душевная усталость сопутствовали ложному восприятию, да и монохромное одеяние не скрашивало картину. Темный, как ночь, сюртук поверх помятой рубашки. Брюки и туфли. Латная перчатка на левой руке с когтистыми пальцами, от каждого из которых за тянулась серебряная цепь. Не будь этой маленькой детали, и первый встречный мог поклясться – пред ним восседает молодой вампир аристократических кровей.

– Да, брат, – напротив, над своим тронem воспарилa девочка. Лет восьми. Она подняла вверх свои руки, словно тянулась сорвать одну из столь далеких звезд и надолго застыла в таком положении. Пышное белое платье тесьмяное голубоватой ленточкой немного наполнило её хрупкую фигуру, а кончики неестественно длинных белоснежных волос подрагивали и извивались в воздухе.

Молчаливой оставалась лишь высокая женщина, всматривающаяся в одну из точек на звездной проекции. Её накидка парилa рядом с монолитным тронem, а неглубокое декольте украшали две подвески, постукивающие и переплетающиеся между собой при малейшем шевелении. Одна была подобна столу, как обсидиан черный, полый круг. Другая же представляла собой крест, белый, как опоры бескрайнего свода. Личность легонько массировала правое запястье, на котором левитировал аквамариновый обруч с темными штырьками по периметру и молчаливо наблюдала за душевными терзаниями бога справа от себя. Сделав легкое движение рукой, она исчезла, а невысокий худощавый мужчина бросил изнеможенный взгляд на опустевшее место и разорвал тишину.

– Что это значит? – на выдохе прошипел братик девочки и затарабанил перчаткой по монолитному столу.

– Не волнуйся, сам знаешь, я слежу за ней.

Милое создание в белом платье приоткрыло глаза. Бездонная фиолетовая бездна воззрела на визави, и на лице девочки появилась мягкая, но такая наигранная улыбка.

– Не-ет!

Предсмертный выкрик преодолел пространство и эхом отдался в бескрайнем лесу. Стоящий на коленях человек лег на прохладную землю, поджал ноги к груди и закрыл глаза. Он лежал, ощущая своей кожей влажность почвы и мягкое дуновение ветра. Своими ушами слышал переливы и щебетание птиц, глазами своими мог видеть зеленую траву и хвою. Бескрайний лес, что окружал его со всех сторон и свет солнца, временами сочащийся из-за крон, но всё дальше и дальше уходящий за горизонт.

– Неужели снова? – Эйн в замешательстве стал разглядывать, сгибать и разгибать пальцы рук и ног. Рвал траву и рыл ими землю, после чего безмятежно устался на трухлявый пенек.

Мысли человека стали обретать размеренный ход, лежа на опушке посреди бескрайнего леса он начал вспоминать все, что с ним произошло за столь короткий промежуток времени. После испытанного, ему просто хотелось привести свой внутренний мир в порядок и успокоиться. Тело пробирала дрожь. Нашупав, он схватил серебряный амулет на своей шее, изображающий бюст женщины с аметистовым оком вместо головы. Сжал подарок отца. Потихоньку привстав и поднявшись на ноги, Эйн понял, что на нём вновь не оказалось одежды, зато на указательном пальце правой руки воплотилось малахитовое кольцо.

«Как такое возможно? Никогда не замечал за собой склонности к ношению подобных безделушек. До сего момента даже семейный амулет томился в забытой всеми кладовке. Что ещё более странно – их появление не сопровождается дискомфортом. Как если бы я давно свыкся... как если бы просто не ощущал, – Эйн не пытался снять кольцо. Оставил всё как есть, – какое нечто не даёт мне сгинуť уже во второй раз? Какое правило движет в порочном

кругу мучений? Оказавшись посреди аридных песков, я был рад получить второй шанс, но сейчас...»

Он огляделся. Небольшую опушку со всех сторон окружала непролазная вегетация смешанных деревьев и кустарников. Сосны – великаны пожирали уходящий в закат солнечный свет, не пропуская его внутрь своей обители.

«Каковы мои шансы вернуться из загробного мира вновь? Жив ли отец, а возможно, всё это сон? Какой цели мне предстоит послужить?» – он почувствовал, как нечто острое буравит его ступню и инстинктивно отшатнулся в сторону лишь для того, чтобы неприятное ощущение дублировалось.

«Врядли я выживу оставшись здесь надолго, закат потерпит несколько часов, – Эйн оглядел неглубокий отпечаток на месте укола, – но разве мои шансы возрастут если я двинусь в путь? Кажется, найти источник чистой воды, а затем? Так или иначе, не делать ничего равносильно самоубийству, а я ни за что не отступлю. Уж лучше стать кормом диким зверям, чем сдаться, не испытав удачу». – Решимость переполняла его, или же то был адреналин, но, погружившись в раздумья, он шагнул вдогонку уходящему солнцу. Эйн рвал и резал ноги в кровь, трижды проклял свою беспомощность и скудоумие, но всё же шел, крепко сжимая зубы. Эта боль была ничем по сравнению с той, что он испытал накануне и лишь когда светоч полностью скрылся, а путь стал неразличим, усталость взяла своё. Собрав настил из колючего лапника, мужчина рухнул вниз.

«В моем родном мире не раз приходилось выживать среди лесов. Неотъемлемая часть профессии. Но здесь многие деревья выглядят незнакомыми. Например, почему у этого хвойного кора начинает бликовать в темноте? А у этого толстого, раскидистого великана листья намазаны клеем и стелются по земле на тонких лианах. Стоило разок задеть пару веток и насильно сделал себе депиляцию. Должно быть, множество мелкой живности заканчивают удобрением в липкой ловушке. Но на этом всё, даже немного печально. Я ожидал увидеть инопланетные пейзажи куда более непостижимыми и загадочными, а эти вполне мог вообразить намедни. Сейчас идти слишком опасно. Я не имею понятия о местной фауне, у меня нет напарника, потому разжигать костёр – ещё большая глупость. Днём нужно достичь реки. Людям свойственна рациональность и расселяются они вдоль логистических маршрутов». – Он подмял под себя настил и обхватил плечи дрожащими руками. Наскоро сооруженный шалаш, основным материалом для которого послужили жутко клейкие листья, мог защитить от ветерка, гуляющего меж крон, но никак не от ночной зябкости. Похолодало слишком быстро. Тёплый пар изо рта не успевал сдюжить с окоченевшими пальцами и лишь сейчас, дав своему телу команду вольно, Эйн в полной мере осознал неприятный опыт такого путешествия.

Вдалеке послышался протяжный вой, волна за волной, играющий плектром на струнах первобытных страхов. Рука с непривычки стала искать оружие. Сердце пропустило удар, ещё один и вжавшись в спину, бешено забило в барабаны тревоги. Звон в ушах лихо ускорял дыхание, а слабеющее тело замерло в ожидании приговора. Вскоре одну тональность поддержала другая, более низкая и приближенная к Эйну. Снова и снова истинные хозяева леса подавали свои голоса. Этой ночью он не сомкнул глаз.

В конце длинной галереи, парящей в астральном мире, высилась огромная двухстворчатая дверь, увитая золотыми лозами. По этому переходу, уставленному белоснежными колоннами, спешил иступленный молодой человек, пылающий жгучей яростью. Начищенные лоферы резво постукивали по орнаментированному мрамору, а цепи на перчатке спонтанно позвякивали на каждом шагу. Еще на подходе его взгляд был направлен вперед и устрася столь знакомых глаз, исполинские ставни распахнулись, обнажая молочно-матовую пелену. Ничуть не притормозив, он погрузился в податливую, тягучую субстанцию, что рябью разошлась в стороны. Зыбилась и колыхалась словно взволнованное отражение луны на воде, после

чего вновь приняла свой статичный вид. Астральная дверь столь же плавно закрылась, оставляя длинный коридор в своем первозданном виде.

Мириады созвездий и цветов проносились мимо существа с умопомрачительной скоростью и пространство вокруг искажалось, то закручиваясь в спираль, то стягиваясь в единую сердцевину.

Оно вылетело из такого же портала на другом конце скоплением светлых точек, которые за доли секунды собрались воедино. На всё путешествие ушли лишь мгновения. Фигура оглядела место выхода, цыкнула и не сбавляя темпа направилась в огромный светозарный зал, в центре которого стояло не меньших размеров горнило. Жар от него расходился во все стороны, согревая саму душу и одаривая первозданным блаженством нежащихся повсеместно милых существ. Мурлыкающих ящерок с двумя тонкими парами крылышек. Огромный темнокожий великан стоял на одном колене и вглядывался в мерцающее всеми цветами вселенной пламя, пляшущее над раскаленными, на вид ничем не примечательными углями. Даже в припавшей позе он был вдвое выше своего гостя, сходствуя с непоколебимой скалой, отлитой из золота. Лысую голову украшали четыре вплавленные в череп параллельные вставки драгоценного металла, идущие ото лба к затылку. Торс обхватывал клепанный доспех. И аура, и глаза его пылали столь яростно что на их фоне пламя печи казалось тусклым, неприметным огоньком.

– Урос, – резкий окрик оторвал взгляд гиганта от танцующих искр и вернул его телу подвижность. Словно волшебное слово пробудило покоящегося тысячелетиями каменного стража.

Урос неспеша обратил внимание, выпрямился в полный рост, чем заставил своего гостя поднять голову еще выше. Расслабленно щелкнул пальцами правой руки в массивной золотой перчатке, пускающей множество тонких отростков вверх, к плечу, обвивающих мускулистую ладонь. Для обычного человека подобный щелчок показался бы пушечным залпом. Пламя в печи угасло, и великан приготовился внимательно слушать своего давнего знакомого.

– Проклятый старик снова отлынивает, – гость указал большим пальцем себе за спину, в сторону астрального перехода. – Я уже множество раз просил поддерживать бесшовное перемещение в твою кузню. Мое терпение не безгранично...

– Твоя импульсивность безгранична, – тихо вымолвил Урос. С каждым его словом Астральная обитель содрогалась, – неужели ты проделал такой путь лишь чтобы вновь побранить его нерадивость? Брось это дело, он многое делает для нас.

– Вот уж нет. Он многое делает для тебя, чтобы продолжать отлынивать от своих обязанностей. Каждый раз мне приходится напоминать ему подкручивать часы, синхронизировать потоки с Дентомой и... но да, ты прав. Я бы не стал утруждаться ради такого пустяка. Есть куда более важная причина. Один смертный избежал жатвы, Урос. Аркана зафиксировала астральные колебания, точку входа и выхода в двух разных мирах.

Правая бровь великана харизматично приподнялась, а губы расплзлись в улыбке, – хохот, похоже на силу Истры. Он полубог?

– Наверняка. Я даже догадываюсь чьим отпрыском может быть. Позволь в следующий раз мне самому принять меры...

– В следующий раз? Значит, найдя его вновь ты не сдержался? Как теперь оправдаешься перед Талосом? Ведь знаешь, с каким трепетом он относится к своим распорядкам. Позволить? Нет, ни за что, – спокойный голос гиганта эхом отозвался в бескрайнем астральном пространстве за белыми колоннами. Зал затих на несколько секунд, лишь слышно было мурчание странных, но милых существ.

– Полубог. Порождение эксцесса нашей жизнедеятельности. Извращение смысла существования. И ты хочешь закрыть на такое глаза? Преторы спускаются в мир смертных, а я прошу лишь небольшого вмешательства.

– Успокойся, Мидир. Ты противоречишь сам себе. Контроль за соблюдением этих принципов не даёт тебе права их нарушать. Мы договорились ещё давно, ты без разрешения не лезешь в мою работу, я не лезу в твою.

– И именно поэтому я здесь, – сквозь зубы выплюнул слова вспыльчивый бог и погряз в размышлениях, отведя взгляд, покуда его душевные метания не прервал громогласный, но такой спокойный бас.

– Если не способен разобраться сам, запряги других.

– Ты смеёшься надо мной? Устроить подобное будет ещё сложнее. Намного сложнее.

– На твоё благо, некто оставил тебе в подарок достаточные для этого средства. Или я не прав?

– И это твоё личное желание? Окончательный вердикт!? Спустить гончих и ожидать в неведении? Иногда я тебя просто... не понимаю.

– Не окончательный, временный. Иди, Мидир. Не делай из этого большую проблему, чем она является на деле. Можешь считать это моим очередным экспериментом и будь моя воля, поверь, я бы оставил незаконного нетронутым.

– Да... – покатав у себя на устах многозначительный ответ, тёмный бог развернулся и побрел к золотой двери не опуская взгляд. На пути его ног лоснилось в сиянии звезд множество сопящих и мурлыкающих мириклов, коих он с осторожностью обходил стороной, после чего милые создания умолкали. Они вообще переставали издавать милые звуки, начиная яростно отхаркивать свои внутренности и биться в агонии.

Великан смотрел на это, не проронив ни слова.

– И так всегда. Ничего не меняется. Но смертный... да, это было неожиданно. Интересно понаблюдать, сможет ли эта искра устроить пожар? – великан щелкнул вновь. Дорожка из трупилов, ведущая к закрывшейся двери, испарилась фиолетовой дымкой и потоками стянулась в горнило печи. – Как красиво... и всё же ты не прав. Тайм хорошо выполняет свою работу, – пропел свои мысли огромный бог. Впервые за долгое время он оказался доволен новостями и с трудом скрывал улыбку на своём лице.

Раннее утро. На изрезанной извилистым ручьем лесной опушке, над разверстыми кронами возвышался чердак старого бревенчатого дома. Деревянные оконные ставни выглядели на обкошенный двор, окруженный наточенным частоколом. Высокие хоромы по велению лесных хранителей выросли в затерянном остроге и с самого утра их толстые стены не прекращали трястись от неумолкаемой брани.

Входная дверь протяжно скрипнула. Почти облысевший мужчина худощавого телосложения, борода которого была неряшливо обкорнана ножом, натягивал на себя меховую шапку одной рукой, пока второй крепко сжимал изношенное дуствольное переломное ружье. На его плечах висела потрепанная торба, к которой был привязан многократно свернутый спальный мешок. Остальное обмундирование скрывала кожаная куртка с высоким, меховым воротником. Мужчина был чем-то разгневан, в его резких движениях читалось пренебрежение. Выходя на издавшее лучшие времена крыльцо, он судорожно расчесывал продолговатый шрам на шее, когда изнутри послышался скрипучий женский голос:

– Нету! Ничего нет! Ни муки, ни сахара, даже соль и та заканчивается. Чем мне детей кормить? Печь начала травить по-черному, одежда в труху рассыпается, а дыра в полу... У нас пол разваливается, – голос изменился, стал более грубым, резким и скорым, но всё еще скрипел как заржавевшая калитка. – А этот и пальцем не шелохнет! Деревня то туда-обратно, так хоть бы мяса принес! Нету дичи, нету дичи. Так найди! Али ты думаешь, что она сама к тебе припрыгает, снимет тулуп, да в котел прыгнет? – Женщина нещадно бранила своего мужа, после чего начала хрипеть и зашлась мучительным приступом кашля.

– Папа стой, маманька помирает! Папа! – в унисон завопили детские голоса. Мужчина бросил назад испуганный взгляд, но после вновь нахмурился, и дверь с громким хлопком влетела в проем, вгоняя в дом холодный и свежий воздух.

– Да что ей будет, – прошептал он про себя, пытаясь успокоить терзаемое сердце. Злость его сошла на нет и появилось чувство вины за собственные обиду и равнодушие. Он стоял на крыльце вслушиваясь в протяжный кашель и детские крики.

– Мамочка, не умирай пожалуйста, мы тут, с тобой... – женщина заходила всё новыми приступами, а дети всё громче звали на помощь отца.

Мужчина напрягся, потянулся к дверной ручке и... отпрял, стараясь не скрипеть крыльцом. Кашель прекратился, хозяйка успокоилась и постаралась восстановить сбитое дыхание.

– Пусть идет, мои сладкие. Папа принесет нам большого оленя, а мы пока пойдем по грибы. Вечером зажарим его во дворе до хрустящей корочки, приправив травами. А на костях сварим супчик. Не плачьте, милые, в этот раз голоду не застигнуть нас врасплох.

Мужчина выдохнул. Когтистая рука, сдавившая его сердце, ослабила хватку. Он любил своих детей. Любил свою жену. И ненавидел. Презирал не меньше, чем презирал себя.

Не был стар, но морщины и седина плотно въелись в физиономию. Глаза впали. Дрожащей четырехпалой рукой, он перекинул погонный ремень через плечо, заткнул почерневший серебряный кол за пояс, вынул из-за пазухи флягу и, взболтнув содержимое, отправился проверять силки на лишь ему одному ведомых тропах.

Полдень вступал в свою силу. Переваливаясь с ноги на ногу по траве, усыпанной солнечными бликами, меж деревьев шагал... оживший куст. Опираясь на сучковатый посошок, Эйн, до головы облепленный странными листьями, неспешно перебирался через коряги в поисках источника воды. Проведя ночь под открытым небом без тепла и заведя плотную дружбу с парочкой клещей, он осознал одно. Сейчас его, ослабевшего, больше всего волновала неотвратимая жажда и голод.

«Возможно, я немного переборщил со своим лесным облачением, – практически все части его тела, за исключением причинных и тех, что должны обеспечивать достаточную подвижность в несколько слоев были залеплены в жестковатые зеленые бронепластины, – амулет на груди мешает, но снять его я не рискну. Что ж, пусть будет так. Пустыня, лес. Если мне велем судьбы суждено начать здесь новую жизнь, первейшим и самым важным шагом на моем пути станет поиск цивилизации, а вторым – продумать всё на тот случай, если я её не найду. Не желаю больше терпеть эту боль и хочу одного – вернуть всё на круги своя».

Утром, когда начинало светать, он оступился и кубарем влетел в липкие лианы. А решив, что не хочет продолжать истязать свое тело столь экстравагантной пыткой, облачился в них полностью. Основная масса, на удивление, довольно прочного материала пришлась на импровизированные валенки. Практически до пояса. И, пусть передвижение было затруднено, он чувствовал себя вполне комфортно, утончив покров в местах сочленений.

«Моим опасением был яд или раздражитель. Глупая смерть. Но, думаю, имей чудотворный клейкий сок в своем составе подобные вещества, я бы уже знал. Мало того, похоже, они обладают антисептическими и гемостатическими свойствами, а еще приятно обволакивают кожу».

В своем темпе, с крейсерской скоростью он прошел от обеда до вечера, дважды испив прохладной воды из небольшого ручейка. Пробираясь и продираясь звериными тропами, Эйн надеялся, что рано или поздно удача вспомнит про него и одарит едой посерьезнее продолговатых оранжевых ягодок, изредка растущих на стелящихся по земле лозах, имеющих отвратный горький вкус и тех, сладеньких, голубеньких на кустах, от небольшого укуса которой его вот уже битый час выворачивает наизнанку. Конечно, он несколько раз видел или слышал пробегающую мимо мелкую дичь, а единожды лицом к лицу повстречал, огромного тонкошерстого

оленья с завитыми в столб, напоминающий дерево, рогами. Морда существа была измазана кровью, посему ноги резко сменил курс и довольно долго неслись в одном направлении. Все его предположения подкрепились довольно существенным фактором, исключая место для сомнений. Таких тварей на его родине не было.

– Вновь следы? И кровь. Оно ранено? – Эйн много разговаривал с собой обо всём, что приходило в голову. Часто шутил и смеялся, пытаясь разбавить давящую на него атмосферу. Он уже давно понял, что это место отвергает людей по огромным отпечаткам лап в грязи, залитым высохшей кровью лужайкам, оставшимся после чей-то трапезы и полуметровым кучам каловых масс, триумфально возвышающихся рядом с обглоданными костями.

Небольшие следы копыт и помятой травы кардинально меняли его курс, но ничтоже сумняшеся, мужчина двинулся на поиски возможной добычи, живой или уже мёртвой. Он бы никогда не решился пойти с палкой на дикого зверя, но голод брал верх над здравым рассудком. Мозг создавал картину раненного животного, бездыханно лежащего в высокой траве. Сочное, жаренное над костром мясо, манящий аромат. Мираж на почве хрупкости человеческой природы так дурманил взор, что Эйн напрочь выкинул из головы опасность, шедшую по пятам вместе с ним.

Временами под деревьями и на солнечных опушках ему попадались скопления упитанных грибов. Каждый раз, радуясь, как ребенок, он нежно исследовал свою находку, после чего с задумчивым лицом шел дальше, не позволяя себе нести лишнюю поклажу.

«Дары леса повсеместно, куда не погляди. Природа кормит, но вот развести огонь ей невдомек. Если к вечеру выслежу того бедолагу и сумею высечь искру, у меня будет хороший гарнир. Жуки едят шляпки, значит всё в порядке?» – с этими мыслями он обрывал с лиан липкие листья, в очередной раз неспешно латая прохудившийся в нескольких местах доспех.

Но вот, пробираясь через очередной бурелом, Эйн пролез под надломленным стволом и моментально дал на попятную, не сводя взгляд с пугающей картины.

Милый пушистик с огромными ушами, повернутый спиной и достигающий метра в холке, жадно вгрызлся в небольшое парнокопытное, больше напоминающее толстого козла. Он сидел на шее бедного животного, мышцы которого не переставали сокращаться в агонии. С противным, хлюпающим звуком заяц вычленил и отрывал тоненькие жилки сочащегося кровью мяса. Эйн нервно прикусил губу и выровняв своё дыхание. Он медленно полз назад, под поваленные деревья, старательно избегая любого источника шума, что мог выдать его. Руки тряслись, тело прошиб холодный пот. Дуновение ветра сорвало ворох зыбленьких листочков, один из которых бесшумно поцеловал оголенную шею неожиданным прикосновением. Мужчина дернулся, ему составило огромной выдержки и силы духа, чтобы не издать испуганный вскрик. Уши зайца шевельнулись и, подобно обособленной системе, стали сканировать местность на источники неестественного шума, покамест остальное тело выгрызало глаза жертвы. Живое.

Место преступления с самим участником скрылось за завалами. Отползая на достаточное расстояние, человек вслушался в окружающие звуки, но ритм собственного сердца надругался над его стараниями. Выдохнув, он повис на бревне, вглядываясь в проделанный им на карачках путь. Лишь капля крови с прокушенной от напряжения губы приобрела свой вкус на языке. Вкус горькой ошибки. Эйн смазал багрянец рукой, растер между пальцами. Посмотрел на свою ладонь, прикинул куда дует ветер, закинул голову вверх не успев вымолвить и единого слова, как раздался визг.

Боль пронзила левое плечо. С наиболее высокой точки в округе – пережившего шквальный ветер ствола, серый комок спикировал на свою цель, с легкостью опрокинув ту наземь. Эйн ударился головой о сук и оказался под двумя надломившимися от сильного ветра брёвнами, что одним краем держались за свою бывшую опору, а вторым – лежали на земле. За время осознания произошедшего монстр уже проел единственную защиту и хотел было почув-

ствовать вкус свежей крови, как получил хук правой. Отлетев под бревно, заяц оскалил окровавленные зубы, прошипел и ловкими прыжками скрылся из виду. Человек поспешно вскочил на ноги, схватил брошенный в пылу сражения посох и хотел было бежать, но понял – некуда. Ужасный ураган что, по-видимому, прошел тут недавно, не давал ему не единой возможности к поспешному отступлению.

«Зубы! У этой твари человеческие зубы и маленькие детские глаза, криво скошенные на морде, деформированная мощная челюсть и... рога? Разве у него были рога? Да что не так с этим проклятым местом? Я не хочу, чтобы мои глаза служили гнусной твари даже после смерти!» – мужчина встревоженно оглядывался по сторонам, пытаясь предсказать, откуда может последовать атака. Эйн вертелся на месте как волчок, пытаясь вглядываться дальше и проницательнее в обширный валежник. Сердце колотилось в груди, задавая ритм в ушах, а легкие судорожно гоняли прохладный воздух. Нападения можно было ждать откуда угодно.

Хрусть!

Дерево, с которого ранее спикировал заяц, надломилось и с треском повалилось вниз. Эйн моментально среагировал и присел в надежде, что поваленные бревна примут удар.

В воздух взлетела щепка. Мужчина получил нехилый удар по спине и оказался прижат тяжелым грузом в районе таза, лицом к земле. Он не видел, что происходит на той стороне, цепи беспомощности сковали его, когда пришла резкая, режущая боль в ноге. Форма пасти, что вцепилась в икру надолго оставит на нём свой след. Страх смерти конвертировался в отчаянный крик.

– Ыа-а-а! – словно это существо испугается громкого звука. Один край бревна потяжелел на пару десятков килограмм. Ему казалось, что позвоночник вот-вот надломится под крупной тяжестью. Он знал, ужасная особь находится прямо над ним, облизывается и пускает слюни на сочный, свежий пир, что так глупо наткнулся на своего дегустатора. Мозг работал на полную, он искал всевозможные решения, однако руки отказывались двигаться. Во рту пересохло...

«Так вот, как проносится перед глазами жизнь... в прошлый раз такого не было. Неужели сейчас я настолько напуган? Не важно, скоро и этот кошмар закончится. Не имеет значения, куда я попаду дальше». – Эйн до хруста сжал зубы, закрыл глаза в ожидании предсмертной боли, как вдруг поймал себя на мысли. Бревно легло! И уже довольно давно. Тишина. Он несколько минут лежал, не способный поднять голову. Тело начинало знобить, стоило подумать, что он увидит над собой. Как в сонном параличе, подмяв под себя руки и затаив дыхание, мужчина затих в ожидании неизвестного.

«Неужели ушел? Он играл со мной... или, должно быть, поберег впрок? Отправился веселиться с прошлой жертвой, уверенно поставив шах и мат нынешней. Но какой хищник станет упускать добычу? Тварь перегрызла и скинула в мою сторону целое дерево. Он умнее, чем кажется. – Эйн, насколько позволял позвоночник, повернул торс и посмотрел вверх. Чувствовал, как начинали затекать ноги. Оценив свои силы, он начал делать незначительные рывки в сторону, что в купе с гладкостью массивного ствола дали результат – вес одного края был перенесен на землю и ему удалось выкарабкаться.

«И на что оно надеялось? Глупая скотина, если хотела добить – нужно было делать это сразу и... – заметил неладное. В панике начал сгибать и разгибать все части своего тела. Ужаснулся: «Либо мне перебило хребет, что мало вероятно, ведь я еще могу ходить, либо лучше бы мне перебило хребет. Да я провел ночь в морозильной камере! Руки и ноги стали резиновыми, отказываются выполнять мои приказы и в сон клонит. Места ушибов и укусов больше не болят... я отчетливо помню, как та тварь вонзила свои гнилые клыки мне прямо в икру! Ничего! Черт! Боли нет!» – он поспешно подобрал посох и, прикладывая вдвое больше сил, стал неспешно переставлять ноги в сторону растущего неподалеку липкого дерева. Его мучило, испарина ползла по всему телу, раны кровоточили, лоб горел, он инстинктивно потянул руку,

дабы вытереть струю пота на шее и, к своему удивлению, обнаружил что это не пот, а свежая кровь. Сук пробил голову.

– Сильно пришлось. Ясно, – Эйн сделал несколько шагов. Мысли путались, – так вот... почему та добыча не сопротивлялась... анестетик... – случайно выбив ногой свою третью опору, он зацепился за свисающие с кроны лианы, утыканные липкими листьями. Неторопливо сорвав один, завел руку за голову и собравшись с силами, с размаху прилепил его на кровото-чащий затылок, чуть не выбив из себя оставшийся дух.

– Отдохну... немного... – приходилось проговаривать свои мысли, что уже не успевали сформироваться в нечто цельное. Солнце беспощадно буравило своим теплом распаренное до красноты тело.

Мужчина густыми зарослями продирался к последнему силку. Позади него покачивалась перекинутая за спину чешуйчатая птица, напоминающая тетерева. Живая.

Ещё издали он заметил – веревка ловушки оказалась натянута и, сбросив с плеч торбу, поспешил проверить столь желанный улов. Начинало смеркаться, но он так и не встретил ни одного намека на крупную дичь.

– Опоздал... – в петле болтался дочиста обглоданный позвоночник, на конце которого, на тоненьких жилках висел окровавленный заячий череп. Остальные части этого конструктора были разбросаны поодаль. Вытащив останки из западни, он вернул петле изначальный вид и мельком глянул на темнеющее небо.

– Нужно возвращаться. Поиздержался, но, если идти вдоль ручья до ночи должен успеть, – по исхоженным тропам мужчина торопился домой, как вдруг острый глаз заметил странные следы, тянущиеся в направлении недавнего бурелома. Туда, где пару лет назад он застрелил кабана. Следы были плохо различимы, однако справа от них, на одинаковом расстоянии шли небольшие рытвины. Как если бы некто уставший и вымотанный опирался на сло-манную ветвь.

– Плохо дело. Человеческие. – Он резким движением снял ружье, надломил его. Вытащил из специальной сумки на груди жаканы с небольшими насечками и загнал их в ствол вме-сто обычных патронов, после чего нашел раскидистое дерево и облепил себя природным каму-фляжем. Теперь он был вдвое аккуратнее и настороженнее, прислушивался к каждому шороху и обращал внимание на любую мелочь, что мог упустить неискушенный глаз. Следы были оставлены совсем недавно, и он хотел заметить неизвестное существо прежде, чем заметят его.

Оно никогда раньше не чувствовало себя столь гордо и надменно. Спесь не сходила с уродливой морды. Оно считало себя настоящим охотником – истинным победителем, влады-кой этих земель. Существо чванилось об одной мысли о том, с какой легкостью наловило так много дичи. Тогда, в первый раз ему небывало повезло, но сейчас награда по праву принад-лежала победителю. Оно решило, что в разы лучше тех, других, пребывавших с ним в одной норе, а раз так, то и достойно намного большего.

С этими мыслями оно неторопливо тужилось, опустошая переполненный пищевари-тельный тракт. Солнце ушло за горизонт и небо темнело, меняя голубую палитру на всё более и более тёмную. Оно в полной мере оценило проделанную работу. Мягкие лапки превратились в твердые костистые наросты, а рога острыми копытами выперли вперед, как у быка. Голова выросла и потяжелела, чтобы без уродств вмещать на себе пару детских глаз. Само тело тоже стало крепче и выносливее. Мускулы выросли и рельефом выступали под тонкой шерстью. Но это не всё, ведь там, всего в паре сотен метров от него лежал еще один питательный ресурс. Съев его, по силе оно смогло бы потягаться с самыми опасными обитателями этих лесов. Мощ-ные лапы подбрасывали монстра втрое выше его головы. Рога же, как острые клинки, запросто обрубали толстые сучья. Каждая встреченная им жертва часами оставалась обездвижена и

скованна единственным укусом. Оно получало удовольствие, наблюдая как эти жалкие существа боязливо извиваются под его лапами. Смотри, как алая кровь фонтанчиком бьет из их шеи и слушать, как бурлит в горле. Нравилось быть вершителем судеб, а не тем, чью судьбу решат за него.

Всего в десяток прыжков оно достигло места минувшей битвы и замерло. Жертвы и след простыл. Под бревном не было слышно отчаянного бормотания, не было следов, ведущих к полуживой добыче, но был запах... Оно встало на мускулистые задние лапы, вытянулось и закрыло налитые кровью глаза. Черный нос стал заметно подергиваться, улавливая даже самые верхние ноты. Инстинкты завопили! Страх! Оно резко дернулось в сторону....

«Бах!» – Эхом отдался звук выстрела. Куст в дюжине локтей зашевелился и принял человеческие очертания.

...

– Глаголь?

Эйн бежал. Каждый скачѐк давался ему с невероятным трудом, но бежал он с закрытыми глазами, с легкостью минув любую преграду. Мужчина перестал бороться с тяжестью век, что подобно гильотинам рухнули вниз, отрезая его тело от внешнего мира. Но всё видел! За тонкой дымкой он с легкостью мог различить массивные силуэты высящихся в чащобе великанов. Целую экосистему существ, роящихся у него в ногах. Он воспринимал и чувствовал каждый объект, что обволакивала пурпурная аура. И жадно поглощал её! Всеми частями тела, словно пылесос направлял странную дымку в себя. Как если бы осваивал новую функцию в давно изученном устройстве. Был не удивлен а, скорее, разочарован своим неведением.

Сейчас мужчина делал это нечто само собой разумеющееся, как и дышал. Каждая клетка его тела, как пустая ячейка впитывала внутрь неестественную дымку. Становясь крепче и выносливее. В каждом живом существе и объекте концентрация её была различна, фиксирована, но больше всего на общем фоне выделялся его серебристый амулет. Он был яркими светочем в ночи. Путеводным маяком, вбирающем в себя саму жизнь, как делал это и сам Эйн.

«Оно гонится за мной? Что застит у мой взор? Туловище парит как пушинка, так легко! Онемение почти прошло, усталость сняло рукой, а раны... за каких-то пару часов в отключке от них не осталось и следа. Я ощущаю невероятный прилив сил», – впервые он чувствовал себя так бодро и просто бежал, не оглядываясь бежал куда не вышел на усыпанную грибами опушку.

«Да их хоть косой коси. С мясом вышла осечка, но я сейчас готов хоть пальцы грызть, – Эйн открыл глаза, и легкая пурпурная вуаль слилась воедино с непроглядной тьмой. Лес принял своё естественное обличие, оставив мужчину слепым в крадущейся тишине. – В моем мире многие племена, коих мы посещали в своих экспедициях использовали особый наркотик для достижения медитативной суггестии» – улыбка растворилась на его лице, и он принялся оценивать ситуацию.

«Когда схватился за то дерево, сознание покинуло меня и зрение моё помутилось, а потом... яд в листьях открыл предо мною истину? Других объяснений тому, что я видел не найти, только если это была галлюцинация, а я до сих пор валяюсь в грязи, пуская слюни. Нет и намек на одышку после километрового забега с препятствиями. Еще вчера от таких нагрузок я пал бы замертво. Раны, было, начали болеть, но и эта боль постепенно сошла на нет, – Эйн сорвал суховатый гриб и решил сделать то, чему суждено было стать еще в первую ночь в этом лесу – разжечь костер и поесть, ведь больше всех полученных ран его мучал лишь голод.

«Когда деревья моей страны начали погибать, никто не задумался искоренить источник проблемы. Вместо этого они собрали миссионерские общества, целью которых стала колонизация затерянных земель и поставка возобновляемых ресурсов по морю», – он напряг пальцы и проскреб ими по коре, оставив в руке древесную труху для розжига. Нарвал в охапку хвойных

лап, сложил как попало, вогнал руку в землю, подобно штопору и подцепив ею дёрн, принялся копать в земле.

«Удивительная сила. Мог бы я выявить её природу... нечто трансцендентное наставляет на истинный путь, или дат выбор им пренебречь? Нечто, что будоражит людские сердца и восхищает дам, или ввергает их в бездну отчаяния. Справедливость в руках имущего. Любой вариант для меня притягателен», – наконец, найдя подходящие камни, в вырытое кострище полетели первые искры.

Ветки разгорались неохотно. Не прошло и минуты, как растерянный и огорченный Эйн застыл, глядя на свою ладонь, где умещались скрошившиеся от жуткого давления осколки сероватого камня.

Астральная обитель. Зал Плеяд. Дряхлый старик в черной накидке скоплением белых пятен вылетел из двери, стоящей на краю необъятной пурпурной пропасти. На фиолетовых каймах широкого капюшона, практически полностью скрывающего лицо, сиял циферблат золотистых символов. Всем телом он опирался на массивный сучковатый посох, не столь давно срезанный с ветви величественного древа. Неспешно переставлял ноги, вышагивая в центр зала, к черному столу, посредине которого проекцией левитировало бесчисленное скопление разноцветных точек. Подобных тем, что окружали это место, но намного, намного меньше и тусклее. Недалеко от стола, в воздухе качалась взад-вперед маленькая девочка в белом платьице. На сей раз – с красной тесьмой. Она сидела на хитросплетении тончайших нитей астрала, тянущихся куда-то вверх. Богиня разительно отличалась от иных творений мироздания. В ней не было присущих им уродств, а гладкая кожа на идеально пропорциональном лице была бледна и чиста. Иногда казалось, что перед тобой сидит фарфоровая кукла, погруженная в сон искусственным керамистом. Закрыв глаза, она наслаждалась минутами своего покоя.

Старик неспешно ковылял к обсиженному месту за черным, как смоль, столом. Он неторопливо подобрал под собой подол, облокотил посох на подлокотник черно-мраморного трона и кряхтя, протяжно выдохнул. Прodelанный путь явно дался ему непосильным трудом. По мере происходящего нервная улыбка девочки сквозила всё большим отвращением и негодованием. Открыв глаза, она увидела, как дряхлый пердун даже не смотрит в её сторону. Он вальяжно откинулся на спинку трона, словно тот являлся удобным креслом и вот-вот готов был задремать. Чело богини дрогнуло и покрылось неестественными морщинами, но вскоре успокоилось и вернуло себе прежнюю гладь. Медлительно проползли минуты и вот, астральную тишину нарушили тихие посапывания старика.

– Вам что-то нужно, господин Тайм? – бога, удобно примостившегося на черном мраморе, выкинуло из транса. Хмыкнув, он открыл глаза и снял капюшон, позволив в полной мере различить свое лицо. Теперь же перед девочкой предстал дряхлый, беззубый старец. Редкие седые волосинки на его голове завивались и комкались в толстые локоны, а густая засаленная борода устилала колени. Он прокашлялся и прокряхтелся, прежде чем начать говорить.

– Ты... не видела Истру? Кхм... Уросу понадобились Юй, Кцай и один артефакт Ликорис. Решил вновь поиграться с созданием разумных существ. Баланс, гнев, любовь и всё такое. Вскоре и Мидиру не придется сидеть без дела, – Тайм внимательно взгляделся в звездную карту. Среди десятков, сотен тысяч подобных, на ней исчезли две тусклые точки, – хотя он, как погляжу и так не скучает.

Богиня ухмыльнулась.

– Если так нужно, пусть они, как обычно, воспользуются астральными переходами.

– Да, в этом есть небольшая загвоздка...

– Не перекладывай свою работу на других, Тайм. Поддерживать астральные переходы в состоянии апории летящей стрелы – твой долг. Или мне рассказать всё брату? – она чуть помедлила и добавила, – к тому же, зачем спрашивать, если ты и сам знаешь, где она находится?

– Я не стану бегать по всей звездной карте за этой егозой. Не успеваю зайти в один проход, как она оказывается на другом конце, словно у нее астральный червь в одном месте. И что она там делает? Ну послужи старику, как и всегда, пока Урос не учинил истерику. Ты ведь знаешь какой он. А как всё уляжется, клянусь провести обслуживание переходов, будь оно неладно.

– Дядюшка Тайм... – девочка состроила невинные глаза дурочки, но её осёк голос, потяжелевший на несколько тональностей.

– Хватит... ты же понимаешь, как я к этому отношусь... Аркана. В отличие от остальных я вижу тебя насквозь. Как бы ты не пыталась подражать эмоциям живых существ, этот облик – лишь фальшивка. Доказательство твоей зависти и комплекса неполноценности. Пока что единственная, кому личные мотивы мешают выполнять работу надлежащим образом здесь – ты, – старик бросил взгляд исподлобья, речь его была неспешной, но внушительной. Богиня внемлила каждому его слову. Её лицо исказила злобная гримаса, качели завибрировали, словно струны и сквозь зубы она выплеснула столь досадные ей чувства.

– Хах... за столько лет мне стоило научиться не воспринимать твои слова всерьёз. Нет, вообще не воспринимать твои слова. Помню, Урос говорил, мол, нам не хватает нечта, что есть в тебе. А я всё гадаю, что это? Змеиный язык или яд, льющийся из него? Хорошо, я выполню просьбу. Но не ради тебя.

– Эту черту характера ты тоже подсмотрела у людей? Воровка.

– Завались! – кто знает, есть ли у этого существа гордость, но если бы была – определенно оказалась задета. Аркана и так не стремилась отказаться от выполнения столь незначительной просьбы, лишь хотела подначить старика так же, как делал это её брат. Её руки взмыли вверх, а на челе выступили морщины, – я предупредила их, но знай, ты взваливаешь на свой горб больше ненависти, чем сможешь утащить. А теперь иди и не мешай работать томным сопением, старый пердун. Если продолжишь в том же духе, даже Урос рано или поздно отвернется от тебя. Никто не в праве помыкать мной. Хм.

Старик высоко поднял густую бровь, то ли от удивления, то ли не поверил своим ушам и решил воспользоваться глазами, – мне никогда тебя не понять. Тебя и твоих приземленных желаний, – он поднялся и опираясь на внушительный посох, побрел восвояси. Казалось, еще более неторопливо, чем раньше, но преодолев половину пути, услышал язвительный окрик.

– Да, и еще. Тебе лучше не попадаться на глаза братику. – Аркана осталась довольна собой и сочла, что в полной мере отомстила за своё унижение.

– Хо... – Тайм же не на секунду не сбавил ход. Вскоре его силуэт скрылся за чередой белокаменных колонн.

Треск костра сливался с песней ночного леса. Грибы, аккуратно насаженные на тонкие пруты, источали чудесный природный аромат, от которого у Эйна текли не только слюни, но и слезы. Его радости не было предела, ведь он впервые за двое длинных, изматывающих суток по-настоящему почувствовал себя в безопасности. Тонкие, игривые языки пламени плясали, пожирая сухой хворост, но взгляд его был прикован к наливающимся золотом грибам. Эйн обобрал всю опушку и сейчас рядом с ним лежали лесные дарования всевозможных сортов и размеров. С маленькими шляпками, с большими на тоненькой ножке, просто шляпки без ножек и ножки без шляпок, а над огнем нависли три самых красивых на вид – девственно чистых и нетронутых природой толстячка. Он сидел и сам того не замечая, начал судорожно сжимать свободную кисть... как стрелок, готовый выхватить свой пистолет.

«Пора!» – моментальный рефлекс. Рука сама спружинила к пылающему жаром грибу и целиком закинула его в рот.

– Мм-м! – застонал Эйн от боли, но продолжил жевать. Он не чувствовал вкуса, так как обжег язык, однако ощущение прокатившейся по пищеводу еды было лучшей трапезой за последние сутки. Один за другим на убой жадно шли белковые хранилища, полные питатель-

ных веществ и вот, ему вновь пришлось ждать новой партии, в этот раз разноцветной и уже не такой элегантной как первая и вторая, но всё еще столь желанной. Рыжеватая вкусняшка аппетитно захрустела на зубах...

– На твоём месте я бы не жрал следующий. Его называют лютомор. Созвучно со словом яд, не правда ли?

– Ха-ах! – от испуга гриб поперек горла встал у отскочившего на пару метров Эйна. Первым, что бросилось ему в глаза, были ружейные стволы, пристально взирающие в его сторону. От истертых гашеток за дерево уходила чья-то жилистая рука. Свет костра не выдавал притаившуюся фигуру, однако Эйна он преподносил как на блюдечке.

– Человек... вы... х-хых... – проклятый кусок душил его, заставляя выдавать хриплые гортанные звуки... паника... скажи кому, что он окажется в подобной ситуации, не поверил бы. Не верил и Эйн. Он и не надеялся встретить человека в подобной глуши, кто же знал, что бесшумно подкравшийся охотник найдет его первым.

Выпученными глазами он смотрел в сторону тени. Хрипя в полуприсяде, Эйн выставил обе руки вперед и неспеша двинулся в сторону пришельца, чтобы установить контакт. По его мнению, подобный жест был преисполнен покорства, но в глазах охотника это смотрелось совсем иначе. Полуголая нечисть стелилась по земле, дрыгаясь как змея. Рычала да лапища свои к горлу тянула...

– Сдохни, тварь! – нервы его и так натянутые до предела, лопнули.

Раздался выстрел.

– Кхы-а!! – вместе с грибом из пасти Эйна вылетел душераздирающий вопль. От боли он откусил себе кончик языка и сейчас катался по земле, прижимая к груди изуродованную левую культю, из которой пульсирующим фонтанчиком била и била кровь... Она не останавливалась, заливая его торс. Тонкой лентой окрашивая лесной настил, на котором валялись оторванные пальцы. Эйна рвало. Неподготовленный желудок не смог перенести столь резкого возбуждения. Его глаза вновь невольно окутала фиолетовая дымка, окружение превратилось в цветное месиво, кровь в котором напоминала медленно угасающую туманную вуаль. Он не мог поднять взгляда, изо всех сил сжимал локоть и громко хватал ртом воздух, задыхаясь в собственной жидкости, однако слышал медленно приближающиеся, тихие шаги.

– Што..й! Стой прош... б-ууэ... – в попытке поднять голову он заметил ошметок на своем плече, что моментально вызвало ответную реакцию.

Эйн ощутил холод, когда мужчина плеснул в него из фляги. Прохладная жидкость коснулась волос и побежала дальше по лицу. Почувствовал жжение, когда пара капель попала на отстреленную культю.

– Вот же... неожиданность! – ошарашенный охотник резким взмахом откинул ружье в сторону и попытался поднять Эйна за плечи, тут же получив наотмашь локтем по ноге. Да так что сам чуть не сложился пополам. – Это ж каким надо быть...

По мере того, как Эйн приходил в себя, он начал замечать обеспокоенно суетящегося вокруг незнакомца.

«Он напал, а теперь чего хочет? Добить или помочь?» – стоило начать подниматься, как он в отместку словил решительный удар в плечо, от которого вновь оказался распластан ниц. Хотел было сбить человека ногой, но увидев в его руках кусок ткани быстро сообразил, что к чему.

Они поняли друг друга и без слов. Эйн кое как сел, вытянул руку с культей вперед и что есть сил сжал зубы, а охотник поспешно стал её перетягивать. Мужчина обвязал ткань чуть ниже бицепса и начал тянуть, тянуть, тянуть...

«Его что, никто не учил накладывать жгут? Как же больно, так можно и без руки оставить!» – в мыслях Эйн уж начал проклипать своего мучителя, но ретировался, когда кусок

ветоши прорезал зеленые бронепластины на руке и впился в кожу. Дело чуть не дошло до мольбы.

– Хватит! Хватит! – он одернул руку, о чем очень сильно пожалел в сию же секунду. Культи и рёбра зашлись приступом острой боли... рёбра?

Эйн, невзначай, не рассчитав силы надавил на левый бок и в глазах его помутилось. Он согнулся, оперевшись на здоровую руку. Постарался прислушаться к тому, что говорило тело. А оно кричало в агонии.

– О... – Удивленно вздохнул лесник, смотря на сочащиеся красным листья.

– О? – Переспросил Эйн, сознание которого не удержалось в теле и медленно повалился на твердую землю.

Именованный мир с двумя лунами. Где-то в озаренной лучистым светом обители Объятий Богини. Огромное первозданное древо высилось на множество вёрст, поднимая сами небеса своей могучей, раскидистой кроной. Солнечный свет не пробивался сквозь природный занавес, поэтому достигал Объятий Богини лишь по утрам и вечерам. Могучий, необъятный взглядом ствол нависал в воздухе на столь же массивных корнях, тянущихся к нему высоко вверх. На величественных ветвях гнездились многочисленные пернатые обитатели, почитаемые в этих краях за священные символы гармонии. Их гнездовья тут и там окружали многочисленные домики, плотной системой слагающие из себя примитивную инфраструктуру. Некоторые находились на самих ветвях, какие-то – прятались в листве, а некоторые так вообще пребывали в подвешенном состоянии и крепко фиксировались при помощи толстых лиан. От них в разные стороны разбегались, покачиваясь на лёгком ветру, хитросплетения подвесных мостов. Иногда соединяющихся в целые площади, а иногда обрывающихся тупиками, на которых ждали своих привилегированных наездников большеклювые летающие ящеры. Каждая ветвь несла на себе огромные города с мельтешащими тут и там жителями, что были заняты своими повседневными делами и обязанностями, но и это еще не всё. Высоко в кроне располагалась великая столица, находящаяся под вечным надзором богини, а выше всего, выходя за зеленый массив и пронзая облака своими шпилями, взвизывался дворец Тихих Надежд, где вечным сном дремала та, кому принадлежал этот мир. Но не стоит задирать голову столь высоко, она может закружиться. Опустимся вниз, где крепкие, массивные корни обвиваются целыми сотами нагроможденных друг на друга бунгалов, уютящихся намного ближе, нежели дворцы наверху.

В одном из таких небольших домиков, из кровати, немного свесившись, торчала пара тоненьких ножек, столь гладких что, кажется, утренний свет отражался от них бликами. Толстое одеяло, сшитое из огромных листьев, подергивалось и медленно сползало в сторону, открывая солнцу немного заспанное личико девушки с длинными и острыми ушками. Она медленно подняла руки вверх и потянулась. Тёплая и очень мягкая кровать, набитая одуванчиковым пухом так и манила в свои объятия, но эльфийка, понежившись, собралась с силами и с широкой улыбкой поднялась, начав утренние процедуры.

Вытянутые ушки подергивались от легкого дуновения ветерка через открытые ставни и вот, мысли её взвились куда-то в небеса, а она пустилась кружиться по залитой теплом комнате медленно переставляя тоненькие ножки по скрипучему настилу. Такая чистая и безупречная, элегантная и совершенная, лёгкая и хрупкая. Белые шелковистые локоны спадали на её спину и грудь, а синие глаза завораживали пуще ясного, безоблачного неба. Девушка была непомерно счастлива, ведь сегодня её жизнь кардинально изменится к лучшему. Пройдя через мучительные тренировки и многочисленные невзгоды, она добилась того, к чему столь рьяно стремилась. Настал тот день, когда Тира примет присягу и её торжественно нарекут стражем священного древа. Больше не придется ей ютиться в этой маленькой комнатушке, отчетливо слыша всю повседневную жизнь любвеобильных соседей. Исчезнет нужда пить второсортную, засто-

ялую росу и тратить часы в очередях к лифтам в верхний город. Наконец, выглянув в окно, она сможет лицезреть живописные картины, а не грязные корни. Сможет вырваться из этого кольца, сможет... За открытыми лиственными ставнями её взгляд выпепил, как к земле, медленно покачиваясь на ветру, устремляется очередной опавший лист, своим размером способный накрыть её дом. Он легонько опустился на кроны небольших деревьев, заставив те трещать под своим весом.

«Неужели нищие пророки на улицах говорят правду и вечное лето придет в упадок? Богиня действительно рано или поздно пробудится от своего глубокого сна и покинет нас? Это уже четвертый лист за неделю, который я видела. А не видела я еще больше». – Девушка, оттолкнувшись от пола, повисла на высокой оконной раме и наблюдала как к нему на всех парах спешит передовой отряд сборщиков, строящих зеленое полотно к огромным птицам Рух, которые после, по воздуху буксируют свежий материал на швейное производство. Там полотна высокого качества по особой эльфийской технологии наминают, расслаивают и шьют из них прекрасные платица для зажиточных дам в столице или седла для наездников.

– А оставшееся идет в еду богачам... Нет, вы только представьте, эти толстосумы действительно считают, что, поглощая листья Первозданного Древа становятся ближе к богине и приобретают часть её силы. Боюсь представить, как они оправдывают тот факт, что самые состоятельные подтирают ими зад, – девушка вздохнула и оглядела спальное белье, что со временем уже успело прохудиться в нескольких местах.

«Наверное, высшего качества упал. Вон, как они все взволнованы», – Тира могла различить лишь небольшие силуэты спящих внизу работников. Еще недавно она сама была среди них, но благодаря своим высоким врожденным способностям к управлению магией сдала общепринятый экзамен на стража древа и уже готова была вступить в ряды защитников великого порядка. Понаблюдав за рьяными потугами не испортить ценный лист, она внезапно осознала, что высунулась в раму в неглиже и поспешно задернула шторы.

«Как хорошо, что единственное окно в этой дыре не выходит на городскую площадь, а открывает кое-какой, но всё же пейзаж. А если приглядеться вдаль видна ветвь, на которой расположен город Цветущего Благоухания – самый большой город боковой ветви». – С этими мыслями она облачилась в повсеместно используемые рекрутские одеяния, пошитые из более низкосортных материалов. Листья, даже оторвавшись от ветви, не увядают долгие десятилетия, словно само время не властно над ними и несмотря на свою гибкость и мягкость, внешний их слой прочен как сталь. Этот эффект достигался благодаря высокой концентрации содержащейся в них маны. Мана, да. Так жители этих мест прозвали изначальную энергию вселенной.

Те, кто живут в объятиях матери поклялись уважать и почитать её обитель – первозданное древо, что появилось тут задолго до их прихода. Они почетно служат и защищают его, за что оно щедро одаривает и поощряет их в ответ. В этом симбиозе эльфы уже многие века сосуществуют, не зная невзгод, печали и голода. Мощная, раскидистая крона, листья и корни укрывают их от любой непогоды. Сладковатый нектар и роса, огромными каплями выступающая каждое утро дают им пищу, опавшие листья даруют беззаботную праздность, а врученная сила – долголетие. Со времен прихода богини вечное лето не оставляло эти земли.

Когда все приготовления наконец были окончены, Тира достала из небольшой кладовки в углу комнаты деревянный посох с обточенным навершием и потянула на себя скрипучую дверь. Десять лет назад, в ходе ужасающей трагедии одна из наиболее хрупких ветвей древа надломилась, обрушив вниз целый город. К счастью, её ломкость была выявлена намного раньше древолазами и плотность застройки снижена, что сократило количество возможных жертв практически вдвое, но этот день стал настоящим горем для всех эльфов. В память о погибших старейшины решили провести величайшую реконструкцию – столица и центральные города перестраивались упавшей древесиной, а остальные опасные факторы предотвращались во избежание повторения этой ужасной трагедии. Однако до нижнего города молот

строителей так и не добрался – хоть материалы всё еще оставались, слишком сложные архитектурные нагромождения не давали никаким боком подступиться к проекту. Посему было вынесено решение потратить остающийся запас древесины на расширение столицы и улучшение жизненных условий наверху, в высшем свете.

«Сегодня мне вручат мой именной посох! Чудотворный посох хранителя древа, вырезанный из священной коры и теплящийся его маной! Ммм...» – прижимая палку к груди, словно обнимая любимую игрушку девушка вышла из дома на дощатый настил, подобно змее обвиняющий расположившийся на корне улей из эльфийских домов и соединяющий между собой все подобные лачуги. Путь вёл её к огромному подъемнику. Одному из тех, что поднимаются из нижнего города в далекую высь.

Дверь астрального перехода была ненамного выше Уроса, однако ему часто приходилось пригибаться, даже если в этом не было необходимости. Пусть великан тщательно это скрывал, иногда его высокомерие и эгоизм проявлялись даже в таких мелочах. Он в корне не понимал негодование темного бога насчет нарушений в работе увитых золотыми лозами врат. Как для художника, красота астрального перемещения для него была предметом величайшего вдохновения, незыблемой отдушиной.

Вылетев скоплением белых пятен на другом конце, он прислушался. На этот раз Урос был вне выполнения своих обязательств, поэтому сменил облачение. Бардовый палюдamentум свисал с его широких плеч, пристегнутый золотой застежкой с ярко красными рубинами. Тяжелые поножи сменились на сандалии, но правую длань всё также неизменно сковывала золотая перчатка, пускающая тонкие лозы дальше по руке. Великан неспешно миновал уставленную колоннами галерею, вглядываясь в бесконечное астральное пространство между ними. Оно, в свою очередь, игралось блеском на золотых пластинах в его голове. Бог не спешил, наслаждаясь видами, однако даже так проходил любое расстояние вдвое быстрее своих собратьев. Каждый шаг четырехметрового гиганта содрогал белый мрамор, потому зайдя в зал он стал ступать мягко и осторожно, дабы не потревожить никого столь непотребным образом, или не обрушить вниз звездную карту. Подойдя к столу, положил свои руки на спинку самого большого, черного как смоль трона. Но не сел, в таком положении и представ перед вечной обительницей Зала Плеяд, открывшей глаза – Арканой.

– Господин Урос, вас не часто можно увидеть вне стен вашей кузницы, – её сразу заинтересовало столь редкое событие. Она не часто виделась с сияющим богом и подобные встречи происходили всё реже с момента возведения астральной обители.

– У моей кузницы нет стен.

Богиня на секунду растерялась, но быстро образумившись, хихикнула в кулачек и взглянула на Уроса который, похоже, говорил это серьезно.

– Кхм, неужели своевольная Истра так и не соизволила посетить вас? Иначе зачем еще столь занятой личности удостаивать меня своим присутствием? – Великан истуканом застыл, наблюдая за её качелями. Девочка, заметив это, постаралась скрыть свою брезгливость за маской безразличия.

«Вот уж действительно неясно, с кем общаться труднее, – с тем надоедливый стариком или камнем... словно разговариваю сама с собой...» – Она невзначай задела струны, поддерживающие всю незамысловатую конструкцию и качели, задребезжав, растворились, опуская её прямо на свое законное место. Словно растрясли всю астральную энергию, содержащуюся в них. Её трон в сравнении с остальными пятью смотрелся детским стульчиком.

Она не сильно любила это место. Из-за высоты стола и переливаний звездной карты облик брата, сидящего напротив ускользал от её глаз. Внезапно великан заговорил и клянусь, не будь тусклые миры проекцией, они бы жемчугом посыпались вниз, внутрь полого стола.

– Нет, Истра еще давно исполнила мое указание, и я успешно закончил работу к намеченному сроку. Причина моего визита куда проще, я явился дабы избежать лишних ушей или посредников и узнать... где сейчас находится семя? – Урос активно зашевелил губами в разные стороны в ожидании ответа. Это было похоже на нервный тик, но он просто думал о чем-то своем. А поняв, что желаемого не добьется, задал ошарашенной, но не выдающей этого Аркане еще один вопрос: «Хотя бы скажи, в каком состоянии оно пребывает?»

– Оно... статично, как и всегда. Изменений нет.

– Ясно. Да. Постарайся не допустить дальнейший рост, – гигант сделал обеспокоенный вид, встал из-за стола и дополнил себя: «Я еще немного погуляю по обители. Может быть, встречу Мидира и лично передам ему одно послание. Если он сейчас не на очередной жатве, – после чего неспеша отправился ко входу.

– Извольте, если вы желали узнать такой пустяк, почему вновь не прислали старика? Вы же не надеялись, что лично перед вашей персоной я разболтаю место заточения алавастра?

Урос обернулся, посмотрел в сторону взлетевшей над столом Арканы и покатав слова на языке тихо ответил...

– Он не захотел.

Шаги Уроса стихли в глубине коридора и растворились вообще, а Аркана еще долгое время всматривалась в звездную карту, после чего связала свое сознание с богом смерти силой, похожей на телепатию, но намного глубже. Проницательнее. То была астральная связь.

– Братик, происходит что-то странное...

– Эйн... – спокойствие. Мягкая темнота окутывала и проникала в его мысли. Чувство собственного тела нарушилось. Сознание поплыло в пустом мире.

«Осознанный сон? Хотя, возможно, просто загробное царство. Всё закончилось? Или я выйду отсюда и забуду о существовании этого места? Да здравствует новый мир! Крайне сомневаюсь, что был спутан с оленем. Тот человек спустил курок намеренно. В прочем, почему мне его винить? Любой сделал бы также», – поток мыслей оборвал такой далёкий и иллюзорный женский голос, звучащий лишь в его подсознании, как из рупора. Но мужчина не слышал его а, скорее, чувствовал?

– Эйн... Я наконец-то нашла тебя. А значит и она скоро найдет. Тебе повезло так долго скрываться на столь видном месте. Как вещь, лежащая прямо перед глазами, однако забытая и потерянная на долгое время. Время... оно сильно ограничено, поэтому внимательно выслушай меня, повторить дважды нам не дано. Ситуация, в которой ты оказался... мы назовем её исключительной... не имеет аналогов и непоправима. Во всяком случае, не мной и не сейчас. Мало кто способен вытащить тебя из западни. В первую очередь, это ты сам, – голос сделал паузу и перевел тему, – да, лишь единожды раньше мне довелось тебя лицезреть. Столь мимолетная давность... та счастливая дура, которой я завидовала вновь позвала меня в свой мир, сказав, что приготовила сюрприз... я проклиная день, когда нырнула за ней в астральный проход. Да, она была не лучшим родителем, ведь на другом его конце лежал ты. На голой земле. Ты... полубог, Эйн. Мы с твоей матерью были... соперницами? Важно другое. Лакриматорий, оплетающий твою шею – её дар и проклятие. Уверена, сосуд для слез принес тебе много несчастий, так знай – принесет куда больше. Он жаждет твоих чувств и не побрезгует тем, что тебе дорого. Должно быть, несладко придется... видел ли ты её? Энергию, что заключена во всех творениях старшего бога. Говорят, все расы воспринимают её по-разному, но описания всегда сходятся. Если ты её сын, должно быть, нечто гадкое и извращенное? Хи-хи-хи... – смех существа в его мыслях был настолько заразительным, что Эйн сам чуть было не засмеялся. Тогда-то он и понял, что нем как могила. В прямом смысле, подобно спектральному наблюдателю, единственное что парень мог противопоставить пронзающему потоку информации – просто кивать головой.

– Рано или поздно научишься лучше понимать и использовать эту силу. Ведь куда бы ты не ступал, другие будут страдать, а когда вместе с ними будешь страдать и ты... что ж, в скором и сам разберешься. Если желаешь завершить цикл мучений, просто снять амулет не получится. Ты не сможешь. Что-то, а в этом твоя мать сильна. Но способы всегда найдутся. Сейчас среди богов творится полный бардак и вызван он был твоим появлением. Кто-то тебе не рад, кто-то желает смерти, однако есть и подобные мне. Те, кто считают нынешний устой неверным. Ложным. Те, кто готовы просить о помощи, за которую ты сможешь получить столь желанное воздаяние. Что ж, время поджигает, Аркана никогда не дремлет. Особенно тщательно она следит за мной и весь наш разговор состоялся лишь благодаря моему сыну. Знай, мы ещё свяжемся. Старик от меня так просто не отстанет. Первое что ты должен сделать – умереть, Эйн. Но не сейчас, обожди пару дней, пока Реликсарус не восстановится. Тогда-то я и смогу отправить тебя к Тайму. Он пребудет проводником к искуплению, наставником, ведь отнюдь, единственной целью твоего существования станет его прекращение. Подумай об этом на досуге. Надеюсь, предстоящая встреча с Сототом придаст тебе уверенности в выборе пути. Волнения Реликсаруса ослабевают, до встречи, Эйн. В скором тебе предстоит выяснить, где находится артефакт павшего бога и да, не смей задействовать силу кольца. Не снимай его не при каких обстоятельствах. Подумай о своей безопасности. О своём предназначении, – голос стихал как журчание отдаляющегося ручья, пока полностью не растворился в нахлынувшей волне боли, превратившись в тоненький писк.

«Как же много она... полубог!?» – мысленно прокричал Эйн, словно то было единственным словом, что он вынес для себя из этого странного монолога. Стрекот ночных насекомых сливался с потрескиваниями костра и странным металлическим скрежетом, но парень не спешил открывать глаза, претворившись спящим.

«Дурной сон, сотканный из переплетения моих неадекватных фантазий в поврежденной голове? Думаю, врятели мозг способен выдать нечто столь сумбурное за истину. Да и готов я теперь поверить во всё, что угодно. Тот голос казался таким отдаленным и в тоже время убедительно близким. Звучал прямо в моей голове, но транслировался откуда-то извне. Телепатия? Какая-то высшая сущность, подруга моей матери заметила страдания и решила выйти на прямой контакт, назвав полубогом... но полубоги – это дети богов и людей. Артефакт павшего бога, астральная энергия – этот пурпурный цвет, моя мать богиня, а отец человек! Как такое случилось? Лакриматорий – подарок, что принесет несчастье не только мне, но и людям вокруг. И смысл моего существования, да? Думаю, если тело не переносится вместе с сознанием, а воплощается в новом мире, сейчас мой гроб опускают в сырую землю, а над ним стоит и плачет отец. Им и невдомек, где я нахожусь. Живой и... живой. Почему он мне ничего не сказал? Ни о матери, ни о амулете. Словно вся жизнь до сего дня была лишь иллюзией. Да и тот голос тоже многое умолчал. Общая картина ясна, но, если не вдаваться в детали... мне нужно умереть. Какая отвратительная история. Покуда весь мир лежит на моей ладони, как речь может зайти об эвтаназии? – вернувшись мыслями в реальность он ощутил накатившую и пробравшую до костей боль. Его сердце забилося чаще, а веки стали подергиваться. – Если мне не дано вернуться, я бы хотел зажить спокойной жизнью здесь. Или нет, неважно где. Жаль, в ближайшем бедующем судьба сулит распорядиться за меня. Да будет так, я взял в долг достаточно жизней. Как только разберусь в ситуации лучше, скажу тому голосу свой ответ».

– Я слышу, как поменялось твое дыхание. – Эйн замер, прислушиваясь к новому голосу. Такому отчетливому и натуральному, не то, что был с минуту назад. В его голове моментально возник вопрос: «Как я понимаю этого человека? И то существо, мы все разговариваем на одном языке? В моём мире языковые барьеры стёрты, но я и подумать не мог, что подобное открытие ждет меня здесь».

– Не прикидывайся. Я еще не настолько стар, чтобы меня провел кто-то вроде тебя. Я виноват перед тобой, но не думай, что буду ползать на карачках и подтирать зад. Выкинешь что-

нибудь этакое и останешься без второй. – Пока он говорил скрежет металла стих, а после вновь возобновился, но уже с большей скоростью и иной тональностью. Точили другую сторону.

Эйн начал приоткрывать глаза и цвета расплывчатыми кружками стали фокусироваться, собираться в отчетливые формы лишь для того, чтобы разбежаться вновь. Он не вытерпел подобной диффузии и закрыл глаза. Прислушался к ощущениям своего тела. У него не болело что-то конкретное, но боль, подобно зубной, распространялась повсеместно. Сосредоточившись на переливании птиц, потрескивании пожирающего хворост огня и резких, разрывающих лесную симфонию отзвуков кричащего металла, он решил приподнять голову. Боль со всего тела моментально собралась и комком лезвий сфокусировалась в его животе. Эйн с хриплым выдохом расслабил шею, опустив ту на что-то мягкое. В этот момент он попытался издать некий звук, но голосовые связки выдали нечто похожее на шаркающий песок под подошвой. Он понял в чем дело и собрав все свои силы, выкашлял из себя:

– Воды!

Лязганье затихло. Охотник пристегнул нож обратно на пояс, вынул из сумки кожаный бурдюк и подошел к тяжелораненому.

– А тебе повезло. Крепкий ты. Дробь внутрь не попала! Ха-ха, представляешь, застряла неглубоко ну, и я её это... ты не бойсь, я и не такое видал... – мужчина, не сбавляя бдительности подсел ближе и неспеша открыл флягу, – дробинки то я вынул и ножичком дырки прижег, но орал ты... некстати в сознание пришел. Все волколаки подумали, что собрат на помощь зовет. Вот и пришлось тебе еще чуть приложить. Прикладом. Но ты главное не бойсь, рука – это не самое. Вот, у сынишки моего вообще с этим всё плохо, так он ногами, ногами. Потешно, конечно, но мамке помочь пытается. Смышленный он у меня, голова светлая, не то что я. Только вот без помощи брата пока не обходится. Недавно было дело, иду я зна...

– Воды-ы!! – раздался душераздирающий хрип Эйна, всё это время пытающегося поднять здоровую левую руку и выхватить флягу, жонглируемую активной жестикуляцией охотника. Виски гудели, в приоткрытых глазах до сих пор маячили разноцветные огоньки, а плечо не хотело слушаться.

Охотник спохватился, приподнял его голову, что очередным комом боли отдалось в животе, поднес сосуд и начал постепенно вливать жидкость. Эйн жадно глотал каждую каплю, стараясь не торопиться, ведь чувствовал, что поперхнуться сейчас было смерти подобно. Он приоткрыл глаза. Теперь уже более отчетливо видел флягу армейского образца и трясущуюся, сухую и жилистую четырехпалую руку, усеянную темными пятнами разных цветов и размеров. Прохладная струя бежала вниз по пищеводу до тех пор, пока не оборвалась.

– До следующего ручейка пару верст. Но ты имей ввиду, что мне тебя еще волочь. А ты нелегкий. А щас тебе есть надо... видел я, как те грибы из тебя выходили... голодный небось, – с этими словами он поднял здоровую руку Эйна и вложил туда что-то теплое, мягкое и шершавое, словно посыпанное солью, – но ты это, ты ж вроде не головорез какой... или тебя свои оставили и до гола раздели? Да еще и излепленный весь тягунчиком, вот я и подумал, что тварь из чащи выбралась... не серчай, я не хотел. Как закричал тогда, еще и руки выставил. Тут в последнее время опасней стало, жена вечно пилит, ну ты и сам понимаешь, городской же вроде. Да? – мужчину прорвало так, словно он годами не разговаривал с людьми и вот, нашел себе собеседника под стать, который не перебьет и своего не влепит.

«Человек в годах, мотёрый и виной тому горький опыт. Чувство вины его искренне и опасность мне не страшит, вот только мотивы не ясны. Из всего ранее им сказанного – он из местных, скорее всего лесник, что со своей семьёй решил уединиться вдали от городской жизни. Аскет или мизантроп? Врядли. По уровню развития этот мир далек от нашего, а основная масса людей живет в городах, вот только что он имел ввиду о головорезах?»

Эйн длительно слушал его. Или делал вид, что пытается вслушиваться в нескончаемый поток практически бессвязных историй, жалоб и причитаний. Внимание было сосредоточено

на мягких ощущениях в правой руке, разжав которую он увидел кусок красноватого мяса. Он был чуть теплым, а через секунду стал еще и невероятно вкусным, солоноватым. Эйн долго жевал жесткий, практически резиновый провиант и туман в его голове начал проясняться. Только сейчас у него хватило сил повернуться, а вместе с тем пришло осознание что лежит парень на импровизированной волокуше, в каркас которой пристоен его драгоценный посох, а рядом сидит раздетый до пояса мужчина.

«Теперь, полагаю, пришло время играть немош. Хотя, даже сейчас я не чувствую сил подняться на ноги. М-да. Представляю его лицо в противном случае, жаль, вторую дробь я не переживу».

Он огляделся, сделал какие-то выводы и широко улыбнувшись, мягко засопел, придавая размеренный темп своему дыханию. Погружая себя в сон.

– Тяжко... – протянул охотник и посмотрел на изуродованную им культю, стянутую тканью и листьями. Сев, он продолжил точить нож, которым еще недавно срезал с неё лишние куски.

«Таким темпом до дома сутки пути. Дойти то дойдем, но... надеюсь, подобного не повторится. – Шрам на его шее зазудел при одной только мысли, – нет, я... я должен сделать все, чтобы подобное не повторилось», – он взглянул в сторону мирно сопящего чужестранца, срам которого теперь прикрывали его панталоны.

В этот раз никаких снов Эйн так и не увидел.

Очнувшись, полубог почувствовал, как ломит всё его тело. Волокуша медленно тянулась по вытоптанному звериному тропам, подпрыгивая на каждой кочке, а впереди, таща за верёвку и пыхтя как паровоз, шагала мужчина. Каждый раз, когда транспортное средство, сооруженное из палок, листьев и изорванного спального мешка застревало он, с ругательствами разворачивался и шел устранять проблему. Двустволка его всегда была наготове и висела на погонном ремне, а роскошное одеяние в виде кожаной куртки, пошедшей на подушку раненному, сменилось голым торсом. Остальной груз переехал в ноги.

Несмотря на свой внешний вид, худощавый мужчина был довольно выносливым, пусть и плохо переносил постоянную нагрузку. Охотник часто разговаривал. Каждый раз, когда Эйн был в сознании, он разговаривал с ним, зачастую получая односложные ответы. Когда Эйн спал он тоже разговаривал, пусть и делал это сам с собой. Раз в два часа им приходилось делать привал, разводить огонь и готовить новый кусок жесткого, заячьего мяса. Полубог еще при первом пробуждении понял, что его гонитель пал от руки могучего лесного стража и не мог нарадоваться, смотря на тушку бесноватого зайца.

«Святая ли вода? Та жидкость, коей он меня окропил. Тогда блестящий кол, что заткнут у него за пояс, да и пули в двустволке, выходит, из серебра? Но против кого? Заяц явно не был похож на баснословного упыря, – Эйн задумался, после чего опроверг сам себя, – а нет, очень даже похож».

Мужчина не знал, в каком состоянии находится его рука. Она была полностью облеплена большим количеством листьев и начинала спонтанно болеть и чесаться. Иногда в тех местах, где болеть и чесаться уже не должна. Но в целом, после здорового сна чувствовал себя намного лучше. Разве такое возможно?

За всё недолгое время их путешествия Эйн не инициировал ни слова. Он питал разносторонние чувства к произошедшему с ним событию. С одной стороны, хотелось накинуться сзади и вывернуть шофёру шею. С другой. Разве полубога должно волновать нечто столь приземленное?

Иногда ему очень хотелось поддержать диалог охотника. Хотелось излить всю душу случайно попавшемуся под руку человеку, подобно тому, как тот изливает свою. Рассказать о том, что ему довелось пережить и о том, что смерть не стала ему концом. Но собственные обиды,

гордость и страх заглушали любое слово, любой вопрос, что желал сорваться с уст. А еще Эйн часто спал. Несмотря на улучшение общего состояния, жар окутывал его тело, частый озноб переходил в тягучую боль. Спальный мешок смягчал перемещение, но кости всё равно время от времени прогибали мягкую подстилку и с грохотом брякались о твердую землю. Каждый раз, когда в его глазах мутнело и он погружался в дрему, какая-то кочка непременно выводила его из блаженного состояния.

Однако, несмотря на все сложности его пребывания в полубреду, он внимательно вслушивался в слова мужчины и складывал бессвязный пазл, бесперебойно заглушающий пение птиц, в общую картину. Ему многое удалось прояснить, но некоторые значительные вопросы так и оставались не затронуты болтливым попутчиком. За те часы, что он провел в сознании, Эйн научился прекрасно ориентироваться на местности, узнал много о флоре и фауне, плохих и хороших приметах, как правильно расставлять силки и как охотник души не чает в своих отпрысках.

Наконец, он решил раз и навсегда развеять мучавшие его сомнения и собравшись с духом задал до простого банальный вопрос: «Что это за место?», от которого исходящий испариной мужчина вздрогнул, после резко обернулся назад и задумчиво посмотрел на вальяжно разлегшийся груз. Запыхавшийся, он взглянул по сторонам, медленно поворачивая голову, после чего ответил ничтоже сумняшеся.

– Лес? Созвучно кстати. Со словом отчаяние.

«Созвучно, да?»

Эйн сделал вид, что остался доволен ответом, пока охотник удивлялся, что его попутчик вообще способен на связную речь. Поначалу он настороженно относился к калек в волокуше, но поняв, что тот не хочет, да и не может предпринимать вредоносных решений, ослабил бдительность. Он не знал, что будет делать, когда притащит домой тяжелораненого. Он вообще не любил думать в перспективе, лишь надеялся, что решение это не обернется к худшему. Заметив, как его собеседник вновь хочет задать вопрос, охотник скомандовал себе сделать привал. До пункта назначения оставался один рывок.

Освежеванная туша зайца, с которой давно спустили кровь, мельчала с каждым привалом. Чешуйчатая птица в мешке продолжала оповещать о своем похищении всю округу. Если бы не этот инцидент, он бы еще вчера жарил упитанного зряблика на костре в окружении своей семьи, но понимая, что вместо еды принесет в дом лишь чужака находился в подавленном состоянии.

Из его рассказов Эйн понял многое. Мужчина живет в лесу со своей родней, у него трое замечательных детей и любящая жена. Тварь, что сейчас едет вместе с ним на волокуше – перевертыш. Они становятся сильнее, когда пожирают других существ, и способны приобретать их качества. Перевертышем может стать любое живое существо, родившееся в безлунную ночь. Даже человек. Подобно безлунному небу, их истинная личина загадочна и полна тайн. А еще они обладают крайне питательным, диетическим мясом.

Этот мир заселен волколаками и вампирами. Охотник вскользь упомянул об этом, когда описывал Эйна в момент их первой встречи. А вода в серебряной фляжке, как и предполагалось, святая. Из местной деревни, в которую бедному, по его словам, мужчине предстоит в скором идти целых пятнадцать верст.

– Что вы продаете? Или обмениваете? – Эйн повернул голову в сторону доставшего огниво охотника и, на удивление, смог приподнять её.

Мужчина достал огниво и принялся высекать снопы искр в сухой трут. Кресало и кремь были связаны между собой куском пожелтевшей бечёвки.

– Шкуры. В основном. Покупаем соль, муку, специи. Одежду. Обувь. А еще инструменты, керосин для ламп. Много чего. А продаем только шкуры. Жалко, я его дробью пришил. Попор-

тил. Полностью считай. Эх, если б такую через посредников в город сбыть, будет тебе и стол от еды ломиться, и ружье новое.

Он опустил руку на двустволку и начал гладить её, чем вызвал неоднозначную реакцию Эйна. Парень решил зайти издалека, пытаясь избежать ответных вопросов.

– А сами вы были в городе? – он общался уважительно, потому как был куда младше. Второстепенными причинами стало строгое воспитание, и попытка казаться как можно более приветливым. Вызвать хорошее первое впечатление.

«Хотя оно и так оказалось испорчено», – усмехнулся про себя Эйн.

– Нет. До него пару недель пути. Я не могу настолько оставить жену и детей. Точнее раньше не мог, а сейчас не могу и подавно. Но скоро, думаю всё получится. Деньги то я в тайне от этой бабы скопил, теперь только ждать надо. Судьба сама рассудит.

Эйн немного напрягся поняв, к чему клонит мужчина.

– Тут, в этом лесу еще мой прапрадед жил. Тогда все из городов бежать стали, ибо, мол, твари начали из темноты ночной выходить и людей жрать. И мои родичи вместе с тремя... а, нет... с четырьмя семьями в этот лес ушли и здесь и укрылись. И поначалу жили тут не тужили, еда была, силы были, деньги были. Отгрохали хоромы чуть ли не до небес, а после не так у них что-то пошло и ту, четвертую семью трое остальных похоронили. Мне батя в детстве рассказывал. Я остальное не упомню, но выродились они все и остались только папка, мамка да мы с сестрой. А папка потом в лес ушел и пропал. Мать нас пыталась одна вытянуть, да с горя и бессилия повесилась... – мужчина замолчал. Он понял, что сболтнул лишнего и решил направить разговор в другое русло.

– Ну что всё обо мне да обо мне. Я перед тобой всё как есть выложил, теперь твоя очередь. Ты ж со стороны города вышел, городской небось!? Колись, как там живется? Я хоть детям расскажу, чего им светит. Э, я имел ввиду сам расскажешь, сам. Но мне ведь тоже интересно! – мужчина замолчал и в ожидании ответа посмотрел на Эйна, но так и не дождавшись, продолжил, – в деревне только и говорят, что надо в города устремляться. Мол, с последней красной луны двести лет минуло, поизвились монстры, друг друга пожрали и нет нужды от них по лесам прятаться. Остались только самые сильные, мудрые, но с ними и договориться можно. Да и люди из городов возвращаются сюда всё меньше. Вот Горий, торговец. Раньше отменную сталь привозил. И лопаты, и топоры. До сих пор верой и правдой служат. Да пять лет как запропастился, не слуху не духу. А у него в деревне матушка-старушка. Всё новые весточки ждет. А пишет он часто, мол, жена, дети уже, богатством обзавелся, обещается приехать скоро, да никак вырваться из дел не может. А она его в ответных письмах торопит. Давай, пишет, приезжай, внучиков покажи, а я вас пирожками побалую, как в детстве. Да не доедет я думаю. Не, доехать то доедет, а не к кому. Больная она стала. Месяц назад я был, еле ходила уж. И кашель злорадный, как у моей... эх... – помрачнел, морщины на его лице стали намного выразительнее. – В общем, нет больше стали хорошей. Привозят во, – указал на нож в кобуре, – точить изо дня в день надо. Считай, в руках разваливается.

Мужчина понял, что его вновь понесло, посмотрел на Эйна и томно выдохнул, – вот и поговорили.

Последний был внимательным слушателем. Это не раз пригодились полубогу в налаживании контактов с далекими пигмеями. Умение воспринимать и постигать традиции, для их дальнейшей аккультурации. Слова четко улавливались его ушами, но взгляд был пристально уставлен на ровный строй муравьев, бегущих по дереву. Внутри их маленьких телец билась и пульсировала розоватая дымка. В траве и стволах – более тусклая. Охотник был окрашен в насыщенные, пурпурные цвета, приближенные к фиолетовому. Лишь несколько пятен внутри оставались смолисто чёрными, цепляли взгляд и становились занозами, подобно заметному человеческому уродству, то было уродство внутреннее. Избегая абстрактности, можно сказать,

парень видел состояние тела мужчины. Чувствовал, как бьётся его сердце и как легко его остановить.

Он давно осознал в каком положении оказался и даже не предполагал, что ему делать. В глубине души Эйн понимал. Ему уже никогда не вернуться к прежней жизни, не встретить отца и друзей. Всё это время в тонуе его держала жестокая борьба за выживание в кошмарном лесу, а сейчас, выслушав рассказ охотника, осталась пустота. Он далеко не так представлял себе посмертие. Не так, как его пророчат проповедники на родине. Обычный мир, наполненный страданием и болью.

Имея в распоряжении бесконечный цикл перерождений что, в сути, является худшей формой бессмертия, он действительно начал упускать ценность жизни. Как ребенок, заполучивший желанную игрушку и тут же потерявший к ней интерес.

– Я не помню, как оказался в лесу. При мне были амулет и кольцо, даже памяти я лишился. – Эйна хватило лишь на жалкую ложь.

– Амулет, да? Славная побрякушка. Да только кольца на твоих пальцах я не видел. Даже на оторванных. А знаешь, как легко вычислить нежить? Она грезит воспоминаниями о прошлом, – его рука потянулась к ружью, что не могло остаться незамеченным. Не излишне будет сказать, в такие моменты Эйн ненавидел свою поспешность. Выставив имущество на показ, он допер: «Неужели его не видно? Да, появление украшений и для меня оставалось загадкой, нет, остается до самых пор, но даже так...»

– Непримечательное обручальное кольцо. Я его потерял. Вот и все.

– Аа... м, жаль, что так вышло. Этот лес особенный. Приглянись ему что, назад уже не воротит, – после этих слов мужчина задумался и утих. Молчание продолжалось даже во время короткой трапезы. – Хорошее мясо. Жестковатое, но хорошее. Правда, жри эта тварь только зверей, было бы лучше. Но ничего, считай благородной мстью за наших собратьев. В городе то небось еды навалом, да?

– Да...

– Но здесь не город. Здесь из еды только ты сам. Хе-хе... – Эйн никак не отреагировал. Постарался не вникать, пропустить мимо ушей и больше думать о своём голоде, нежели о том, чем питалось создание. В каком-то роде, данная тема для него болела.

Мужчина поднялся и отошел справить нужду. Не стоит и говорить о том, с какими трудностями столкнулся в этом вопросе Эйн. Однако сейчас он был сосредоточен на фиолетовой дымке перед глазами. Игрался, рассекая её руками, вглядывался в живые организмы, источающие розоватую ауру, и поглощал... ненасытно поглощал... то, что ему не принадлежит.

– До дома час пути. Если темп не сбавим, доберемся еще пополудни. Там то Литра тебя на ноги поставит. Она больше сведает во врачевательстве, ворожбе. Даже колдовство знает. Говорит, сам тёмный детей проклял. Ты, как придем, главное, лежи и не дергайся. А я со всем разберусь. Как подумаю, куда тебя тащить – дурно становится. Неужто нечистый... силушку всю повышиб?

Эйн закрыл глаза. Дымка, которую он пропускал через свое тело рассеялась, а волокуша вновь затряслась и зашуршала по траве.

– Вот же... он обернулся и ударил рукой по лбу, – совсем одичал! С людьми незнакомыми давно не общался, вот и не придал значения. Мисаул меня звать. Мисаул Портной. В деревне, правда, шрамом кличут. Но ты меня так не называй. А тебя то как?

– Эйн. Эйн Фельтьер.

«Нет смысла скрываться, с тем же успехом я могу использовать псевдоним, но зачем? Остается уповать на отсутствие в этом мире вудуизма».

Охотник задумался, словно выговаривая в голове столь странное в его краях имя и пробормотал в пол оборота: «Эйн значит... жену мою Литра звать. Созвучно, не правда ли?»

«И в каком месте?» – подумал лежащий.

Звездная карта переливалась многочисленными спектрами цветов. Лишь белые точки на ней висели статично, словно тусклые светлячки, навечно застывшие в вязкой смоле.

За круглым столом, на черно-мраморных тронах восседало несколько фигур. Все они собрались в связи с чрезвычайным происшествием, что содрогнуло астральную стабильность во всех мирах. Среди них недоставало лишь великана, задерживающегося по пути из своей кузни. На этот раз зал без стен и сводов, обставленный белокаменными колоннами, встретил нечастого гостя. Высокая женщина невероятной красоты. Кожа её была гладка и чиста, а в движениях читался зрелый шарм. На объемном бюсте, украшенном декольте по-прежнему висела пара странных амулетов, а окружающее её пространство искажалось и рябило. Взгляд, полный апатии изредка косился на спящего старика.

Справа сидела маленькая девочка, руки которой по обычаю тянулись вверх. Она прикрыла глаза и лишь её волосы, воспаривши, легонько переплетались между собой. Белое платье с красной тесьмой сменилось темным, поглощающим свет, испускаемый проекцией звезд. Шесть тронов, пятеро богов. Слева от старика восседало вечно юное, темное существо, мрачный вид которого создавал давящую атмосферу. Оно нервно стреляло взглядом по сторонам, замирало и набивало ритм костяшками пальцев по круглому столу. На несколько секунд фокусировалось на сидящей напротив него девочке, а после на длинном коридоре, в ожидании недостающего участника собрания. И так по кругу. Нервно.

Пустое место подле него оставалось таковым всегда. Мидир сам многократно выступал с предложением отринуть прошлое, при этом жадно ища любой повод за него зацепиться. Видя это, валуном преткновения единогласно служил весь пантеон – все боялись убрать последний камень сдерживания. Пусть лучше трон остается горьким напоминанием, нежели одиноким кенотафом перед убийцей, потерявшим себя.

Внезапно, где-то поодаль раздались тяжелые шаги. Великан, облаченный в свой привычный доспех, молча прошествовал в сопровождении равнодушных взглядов собравшихся и опустился в свой исполинский трон, по правую руку от Арканы.

Реакция Мидира не заставила себя долго ждать. Не успел Урос как следует усесться, тот вскочил и... замолчал в ожидании сосредоточенной тишины от других богов. Он хотел было стартовать незамедлительно, но вместо слов в бескрайний мир эхом отозвался храп Тайма. Статная женщина, неподвижно смотрящая на звездную карту, перевела вопросительный взгляд на Уроса, который всё понял и тихо пропел своим зашкаливающим басом: «Тайм!» – старик ласково пробудился и выровнял свою спину. Разумеется, до хруста. Мидир оперся растопыренными пальцами о стол. Цепи на его левой руке звонко ударились друг о друга. Прочистив горло, он не стал откладывать сути собрания.

– Впервые за двадцать с лишним лет мы встретились за этим столом. На этот раз вновь по моей просьбе.

– А разве могло быть иначе? Хе, – стоило богу начать, как его перебила язвительная насмешка. Мидир же продолжил как ни в чём не бывало. Ни на толику ноты не дрогнул его голос.

– В настоящий момент Аркана ведет расследование одиннадцати тысяч искажений, одновременно нарушивших состояние астральной энергии в отдаленных мирах. Причина подобного мне неизвестна до сих пор, и мы все рассчитываем на помощь уважаемой Арканы... в этом нелегком деле. Моя же версия такова. Крупный сбой в работе астральных переходов, вызванный несогласованностью временных потоков. Их диссонансом, в следствии халатности. Я не прав, уважаемый Тайм?! – голос перешел в крик, костяшки пальцев вновь застучали по поверхности стола, нога забила об мраморный пол. Он уперся взглядом в дряхлого старика, который удивленно повернул голову и промямлил:

– Это безоснова...

– Не Тайм виноват в случившемся, – Урос выставил руку вперед, останавливая ложные обвинения. – Мидир, если ты не доволен его работой, не нужно искать оправдания, чтобы высказать свое негодование. Я предполагаю, пусть раньше таких прецедентов не случалось, лишь одно существо вне наших взоров способно создать сопоставимое количество колебаний.

– В таком случае, мы всё это время игнорировали червя в яблоке, – темный бог давно знал правду, однако не находил ей логических объяснений. Или не желал копать глубже, – нужно принять меры и изолировать его.

– Нет необходимости, – проронила слова молчунья, чья накидка терпеливо ожидала свою госпожу рядом с тронном, – подобной выходкой он не нарушил никаких табу, а небольшие волнения астральной энергией не принесут сильного вреда ни одному миру без существ с особой восприимчивостью. Мотивы не ясны, но, думаю, пока он не несет вреда, подобное можно считать элементом первозданного хаоса. – Великан вслушивался в её слова и соглашался с ними легкими кивками. Истра улыбнулась в ответ. Кажется, она знала на каких струнах следует играть.

– В таком случае, мы должны узнать истинную причину. Всему должно найтись объяснение, Реликсарус не из тех... кто оправдывает подобные действия вселенским застоём, – темный бог понял, что проигрывает спор и попытался пойти на компромисс.

– Ты на что намекаешь? – Урос обиженно поджал губы.

– Я тоже считаю, что пусть хаос и является первозданным элементом, будучи необузданным он может пошатнуть баланс между остальными. Но с этим вопросом спешить не стоит, – неторопливо прохрипел молчавший ранее старик. После этих слов темнокожий великан насутился еще больше. Такого удара в спину он ожидать не мог. – Покуда его действия не опасны для мироздания, не представляют угрозы и для нас. Мелкие дыры всегда можно залатать, главное, чтобы из них не полезло что-то ещё. Хех-хе, изнанку астральной энергии никто не отменял. Больше всего меня волнует иной вопрос. Неужели наш миротворец не желает обсудить нечто более... неотложное? – он крепко сжимал посох, покрытый бутонами, зеленеющий и пускающий корни. Пусть Тайм и надеялся не подавать виду, за него говорил благоухающий букет в руках. Злорадный старик был крайне доволен невыгодным для тёмного бога раскладом и все это поняли.

– Хорошо, – Мидир, наконец, уселся вместе с остальными и взглянул на Уроса. – Этому недоразумению суждено было иссякнуть ещё в зародыше. Но ты мне не позволил. Тот же факт, что оно переросло в проблему и, отчасти, затронуло каждого из нас, не может не печалить, – он сделал глубокий вдох, осёк взглядом старика, вновь норовившего влезть без разрешения, и продолжил, – великий раскол одарил нас разумом, наделил целью. Создал мироздание таким, каким мы помним его на заре. Безбрежный простор, лишь концепция. Замысел, что нам предстояло воплотить. Нерушимая парадигма, постулаты которой стали основой нашего существования, системой правил. Если Архэ – отец, то они – отцовское наставление, обязанное блюстись. Мы стали следовать правилам, когда возвели это место. Мы следуем правилам и сейчас, а он! – Бог указал на звездную карту, – он является прямым последствием их нарушения, Урос! Или вы забыли, как много они для нас значат? Как много они значат для меня!? Я не желаю компромисса, иначе всё, что было сказано ранее – не более чем астральная пыль. Закрой глаза. Всего раз. Позволь мне уладить всё самому, а если нет – пленить его Аркане.

Великан задумался. Он хотел возразить, но не мог найти изъяна в логике Тёмного Бога, вот-вот готов был согласиться с его суждениями, пусть даже в ущерб своему эго.

– Кхе-хе, – старик решил отплатить здоровяку той же звонкой монетой, что стала для него спасением ранее, – почтенный Мидир, не будем так спешить. Мы все уважаем вашу искренность, как и признаём ценность слов. Нам всем, в конце концов, пришлось принести большую жертву в их подтверждение. Однако ваш подход, по всей видимости, устроит не каждого. Я предлагаю решить этот вопрос по старинке.

– Нет! Это не вопрос, это проблема. Зачем было создавать правила, которым мы не следуем!? – Взвинтился бог, поняв, что ему врятли удастся выиграть голосованием. Цепляясь за последнюю нить надежды.

– Напомню, этим ты сам желаешь нарушить правила. На мой взгляд, лишь делаешь из мухи слона. Лицемерно ищешь той справедливости, что станет тебе примирением, – не осталась в стороне Истра.

– Это вынужденная мера!!

– Кхе-кхе, вынужденная мера... а в прошлый раз я не слышал от тебя подобного. Или смерть Нихилла тоже была вынужденной мерой?

– Я...

«Интересно, что чувствует братик? Боль? Раскаяние? Ах, как я хотела бы оказаться на его месте...»

– Тихо!.. – их спор прервал громогласный голос Уроса.

Его взгляд был направлен на девочку, вышедшую из своих астральных скитаний и медленно плывущую к звездной карте.

– Что ты можешь сказать нам, Аркана? – как ни странно, утихли все. Непредвзятое мнение – самое ценное в решении споров.

– Я согласна с братом. Инцидент со змеем показывает – даже столь незначительная переменная способна посеять хаос подобный произрастаемому в заполненном алавастре. Что уж говорить о факторе, который мы не в силах контролировать. По правде, мне не пленить его так же, как не способна я пленить Истру. Проанализировав всё как следует, могу быть уверена – он обладает подобием её силы.

– Кхе-хе, то есть, у нас есть еще один бог, рассекающий пространство?

– Полубог. Не путай, старик, – Мидир повернулся в сторону девочки, – то есть, ты хочешь сказать, что он сможет преодолеть изолированный купол?

– Да, подобно нашей подруге, он перенесется в другое место. С разницей лишь в том, что сделает это после смерти. Я не знаю, что гарантирует успех в таком случае.

– Мне нравится идея Тайма, подобное следует решать голосованием, – Урос поднял руку и тихо спросил: «Кто желает пустить смертного на самотек?»

...

Ввысь неспеша потянулась еще одна рука, на которой левитировал несоразмерного размера браслет. Всего одна. Урос помрачнел, его золотая длань сжалась до деформационного хруста, но возражать он не стал. Лишь бросил надменный взгляд в сторону старика. Мидир же посветлел. Ликуя в душе, он воскликнул: «Отлично! Теперь те, кто видит в нём угрозу!»

– Угрозу? Кхе-хе, неужто могущественный бог смерти испугался? Лишь ты разглядел в нём угрозу.

Не обратив внимание, он торжественно оглядел зал. Маленькая ручка истово тянулась, словно желая выступить сразу за два голоса. А затем тоже посмотрел на старика, который, видимо, успел задремать после нанесенного уязвления и сидел с закрытыми глазами.

– Тайм! – Вновь раздался громогласный голос.

– Я не сплю. Кхм-хе, просто воздерживаюсь.

Улыбку с лица юноши как рукой сняло.

– В таком случае, желаешь или нет, придется идти к компромиссу, Мидир. Ты своеволен, но данное обещание постарайся держать.

– Да... компромисс. То, о чем мы говорили намеренно, бог созидатель? Признаю, так даже лучше. Снизойди я в мир, не имел бы гарантий изловить его. А у них шансов на это куда больше...

– Прошу, хотя бы в этот раз, без самодурства. Вот увидишь, рано или поздно смертный сдастся сам.

Урос поднялся.

– Теперь же, прошу меня простить. В этой голове вновь созрел блестящий плод. Мидир, зайди ко мне как разберешься с делами, твоя помощь будет кстати. И захвати с собой палец Дентомы, – с этими словами гигант ушел, оставив после себя зал, заполненный тишиной.

Стоило Уросу покинуть свой трон, старик вспомнил о чем-то и вжался всем телом, пытаясь излишне не попадаться на глаза темному богу.

Истра, недоумевающая, всё это время смотрела на Тайма. Она понимала, что тот догадывается о природе сил Эйны. В конце концов, поддержать контакт стало его задумкой, о чём они договорились наедине. Будь иначе, она бы не пошевелила и пальцем ради чужого дитя: «Почему же он воздержался? Не хотел ставить себя на одну из сторон, привлекать излишнее внимание? Если Эйн так важен для нашего плана, разве не разумно было обеспечить его защиту? Отправить к Сототу... почему я должна рисковать своим благополучием и благополучием своего сына ради её жалкого отпрыска?» – с этими мыслями она исчезла. Исчезла столь мимолетно и беззвучно, что оставшиеся несколько томных мгновений искали её взглядом.

Маленькая девочка вновь воздела руки, уйдя в изучение и ревизию планет, на которых еще недавно произошли сильные волнения.

Тёмный бог запустил пальцы в волосы и принялся разглядывать вкрапления на черном, как смоль, мраморном столе. Он еле слышно бормотал, пытаясь что-то придумать, а когда ничего не пришло на ум, повернулся и увидел старика, бесшумно ковыляющего в сторону коридора с астральной дверью. Прищурился, натянул на лицо мягкую улыбку, жутковато смотрящуюся с уставшими, бессонными глазами и пропел так тонко, как только мог.

– Та-айм...

Старик дрогнул, по его спине пробежали мурашки. Он и не подумал обернуться, накинул на себя капюшон и рванул с места быстрым шагом, даже не опираясь на посох, который по какой-то причине стал увядать. Замедлил ход лишь когда оставил крайне удивленного бога далеко позади.

«До грядущей поры всё должно оставаться по-прежнему. Их выбор... и мой».

Минантис – теократическая патриархальная монархия, лежащая на длани творца и создателя. Идеальный климат, сформированный благодаря географическому положению, возвел в апогей аграрную и винодельную промышленность в этом регионе. Небольшая площадь, занимаемая ею между двумя соседними странами, с лихвой окупаются постоянным притоком путешественников, торговцев и паломников. На всём континенте это место сослужило самым процветающим и мирным за последний десяток лет. Даже ночью солнце не угасает в сердцах верующих – зажигаются минареты и люди тянут руки в молитве, надеясь, что завтра светоч вновь одарит их своим теплом. Огромные, белокаменные города повсеместно увенчаны золотыми фресками, повествующими о мифах и легендах, заставляющих сердца благочестивых биться чаще. Золотые шпили крепостных башен и священных мест увенчаны эмблемами, расходящимися во все стороны извилистыми лучами. Бескрайние поля пшеницы, тут и там пронизанные торговыми трактами. Жители, с ног до головы окутанные золотым убранством. Так за морями описывают страну вечного солнца.

Но существует стезя пуще земледелия и вина. Тайна, что поколениями передавалась у титулованных дворян и церковнослужителей. Это дело приоткрывает завесу тайн над органическими и минеральными диффузиями и многие, многие старцы и ученые желают получить секреты, лежащие в её основе. Алхимия. Наука преобразования. Изменения не только формы, но и сути вещей.

Гора избрания Науль. Вериглар. 261 год основания. Архикафедральный собор – светоч Господа. Пресвитерий. Молодая девушка в латном доспехе, преклоняя колено, смотрела в пол. На её шее висела жемчужно-белая камея, изображающая бюст слепой женщины, обрاملен-

ный драгоценными камнями. Волосы, сплетенные в большую косу, пылали красным. Редкая алхимическая мутация, ставшая исключительной в этих краях. Считалось, что такой человек носит на себе наследие первого копья. Основательницы веры и единственной воочию наблюдавшей лик истинного солнца. Алледы. Ходят легенды, как она стала избранной и поднявшись на гору Науль, ощутила на себе благодать и провидение господя. Вернулась мессией, что не могла видеть сама, но озаряла путь другим.

Перед ней стоял человек в филигранно иссеченной узорами рясе с епитрахилью. Он был повернут спиной и смотрел в огромное мозаичное окно, с обеих сторон окруженное сияющими на солнце аркбутанами. Оно выходило на бедный район города. Мужчина любил смотреть именно в это окно. Он говорил, что так находится ближе к людям и чувствует их страдания даже отсюда.

– Скажи, молодой рассвет. Что стоит в сердце этого города? Вера? – мужчина был неподвижен и всматривался вдаль. Девушка приподняла голову, демонстрируя солнечным лучам, пробивающимся сквозь узорчатое панорамное окно свои глаза. Глаза цвета распустившихся роз. Цвета крови, что навсегда отпечатался в памяти этих земель.

– Люди. Люди стоят в центре города. Без людей город – лишь пустые стены и здания, так вы учили меня, – её мягкий голос заставил архиепископа улыбнуться.

– Собор. Так мне ответил твой подчиненный, Домуар. От тебя же я другого вывода не ожидал, но если бы он прозвучал... Многие из перстов чисты и наивны как взгляд ребёнка, что во всём пытается разглядеть лишь прописные истины из букваря. Люди – те, кто стоит во главе и определяют ценность религии. Без преданных умов любая идея пуста, но иногда... им нужна твердая рука. Символ, за которым суждено следовать. Столетия назад таким лидером стала Алледа, так кто сейчас способен вывести нас из темных времен, как не ты?

Мужчина обернулся. Слепленный на один глаз, его лицо было худощавым, а руки тонкими, хилыми. Кожа покрыта зелеными пятнами и каждое слово давалось ему с превеликим трудом. Он понимал, что умирает и не мог этого остановить. Болезнь подобралась решительно, давно нанеся удар. Истекающий кровью, старик желал убедиться в безошибочности своего выбора.

– Титулы, что нам даны – лишь ярлыки. Признаки превосходства над мирским. Это должен помнить любой аристократ, жаль, не каждый внемлет – где ты окажешься, если выбить лестницу из-под ног? Внизу. Уважай людей, заботься о них, как заботишься о своём хлебе. Встань на их сторону и будь уверена – опора под твоими ногами крепка. Он этого не понимает. Мы были слишком невнимательны, упустили момент, когда змей обвил Вериглар и впрыснул свой яд. Не поддавайся его миазмам, сколь бы сладки они не оказались...

– Благодарю вас за наставления, ваше преосвященство.

– Вот и славно. Передай Навьелату, что тот может готовиться к церемонии. А теперь ступай. Последние часы жизни я хочу провести в тишине и спокойствии.

Девушка встала и удалилась, стараясь не шуметь саботонами. Архиепископ сел на стоящий рядом стул, чуть слышно шепча: «Я не дам тебе, Навьелат... мой разум мне принадлежит... принадлежит...»

Небольшой острог с деревянным частоколом. Волокуша остановилась перед массивными воротами, со стороны входа запечатанными на засов. Охотник считал, что лесным тварям не дано преодолеть столь "хитрый" замок. Да оно и без надобности, если они захотят, добрая половина с легкостью сможет перепрыгнуть трехметровый забор. А на чрезвычайный случай, если его семье придется поспешно отступать – на заднем дворе и в сарае есть секретный лаз. В самом же доме – защищенный погреб с пятидневным запасом вяленного мяса, который периодически убавлялся или пополнялся, в зависимости от исхода охоты.

– Сегодня опять из запасов брать придется. А завтра в путь. Во крику то будет. Сейчас только появлюсь на глазах, так спуску мне не даст. А если еще и тебя притащу... – Мисаул замер, словно колебался, стоит ли вообще открывать врата, после чего выдал: «Ты покамест погоди чутка. Я найду, объясню мол, так-то так. А как гнев на милость сменит, вернусь за тобой. Если она, конечно, не померла еще». – С этими словами мужчина приоткрыл одну створку и протиснулся внутрь.

Приближался полдень, солнце занимало позицию в зените, а Мисаул всё не спешил возвращаться.

«Двадцать минут! Какой консилиум заставит бросить больного на этом пекле? Не удосужился даже под дерево меня оттащить, греет не хуже, чем в аду, а я знаю, о чем говорю. И ничего не слышно. Думал, как минимум, вещи из окон полетят, или, в крайнем случае, люди».

Эйн попытался приподняться и с радостью отметил, что ему это практически удалось. Упершись на здоровую руку, он сел, огляделся. Дом располагался на холме. Отсюда открывался неплохой вид на окрестные земли. Точнее, леса. Выгодная позиция, с учетом плохой видимости снизу. Всё из-за густых крон. Часток был обточен на скорую руку. Некоторые бревна казались кривоваты и сучковаты, но все они были ровно такого размера, который смог бы перетащить на своей спине один человек. Пара сегментов ограды показались полубогу более свежими. Судя по всему, что-то приходилось латать.

«Дети малы, а жена больна. Должно быть, сложно вести хозяйство в одиночку. Вот только откуда эти смутные сомнения? Что-то не так было в его словах. Нечто важное, что я упустил или не обратил внимания. Ох, и не нравится мне эта затея. Чувствую, если и суждено переместиться вновь – здесь мне в этом помогут».

Скрип...

За частоклом скрипнула тяжелая деревянная дверь. Послышались едва различимые детские голоса. Эйн быстро занял привычное положение и закрыл глаза, пытаясь сойти за спящего. Солнечный свет слепил его сквозь веки, а желание зажмуриться и скривить гримасу приходилось подавлять, плотно стиснув зубы. Ворота медленно приоткрылись, послышался знакомый голос Мисаула: «Ты, главное, не дергайся. Если будет спрашивать откуда и почему, скажешь, как и мне. Меньше разговаривай, больше лежи. Сказала, на ноги тебя поставим и в деревню спровадим. До тех пор будешь по хозяйству помогать. На твоё счастье».

Первая мысль, что пришла в голову Эйна: «Бедного мужика держат в заложниках». Настолько незначительным было его влияние в решении семейных вопросов. Но когда волокуша, цепляясь за высокую траву въехала внутрь укрепления, Эйн, на секунду приоткрывший глаза, в корне переменял свое мнение. Перед ним предстала картина, заслужившая увековечиться в памяти. Появилось резкое желание вскочить и убежать обратно в густой лес, лишь бы не подходить ближе.

Недалеко от крыльца возвышался двухметровый силуэт. На голову выше мужичка, неспеша переставляющего ноги. Его объем... поражал воображение. Женщина, упитанная и тучная, с легкостью укрывающая за своей спиной трёх ребятишек, тарашащих хищный взгляд на незваного гостя. Эйн не успел рассмотреть их, так как поспешно закрыл глаза. Литра не была страшной или пугающей, однако и красота вокруг неё не витала. Двойной подбородок уже переходил в тройной, но больше всего на женщину сказывалось влияние недуга.

«Я ошибся. Как сильно я ошибся! Нужно прямо сейчас уносить свои ноги, если не хочу стать рагу и повторить судьбу своих друзей-исследователей!!»

– Мама, а он живой? – послышался детский девичий голос.

– Он голый! В папкиных панталонах и тягунчике!

– Это кто его так? Кабан разодрал?

И два мальчишеских, один из которых звучал уверенно, а другой – шепеляво.

– Как есть кабан, Веди. Здоровый такой, страшный. Грибы ел.

– Так отчего ж ты, немощь ходячая его не застрелил? И вообще, а ну в дом! Живо по своим комнатам! – голос хозяйки был тонким и скрипучим, что совсем не соответствовало подобному телосложению.

– А в-друг он этот... увасный хищник и папку обманул...

– Это мы сейчас и проверим. Вени, а ну живо заberi Вичи и Веди. И быстро отсюда! Иначе я вам такую трёпку задам! – Литра волновалась за своих чад. Она не подавала виду, но боялась и сама. Знала, на какую глупость способен её муж и из описаний его первых впечатлений была уверена, что тот притащил в дом вампира или волколака. Весь спектр этих эмоций Эйн смог прочесть в тусклой дымке, попутно втягивая её в себя.

Самый старший из ребят задумался, схватил младшего брата с сетрой и потащил за собой в дом.

– Да который раз говорю, нормальный он. Нормальный. На него и серебро и вода святая не действует. На кой мой язык бескостный сболтнул мол, рычал аки зверь? Ну наврал я, прутнелиз окаянный, наврал. – Женщина схватила подвернувшиеся под руку вилы и пошла на сближение с дорогим гостем. Мисаул что-то болтал, медленно пятясь перед ней назад и упорно жестикулируя руками до тех пор, пока отступить стало некуда. – Ты же говорила! Сама! Выходим и обратно сошлем. Восвояси.

Литра всё шагала и вот, когда её от Эйна отделяло лишь щуплое тело мужчины, она легонько протянула руку и сдвинула того в сторону. Полубог напрягся. Он открыл глаза и посмотрел на четыре стальных шипа, что могли в любую секунду проделать в нём дыру. Невольно сглотнул. Мужчина понимал, что лучше не делать резких телодвижений. С его новоприобретенной силой не составило бы труда отнять это заржавевшее орудие пыток и направить его в сторону противника. Однако лесник, доселе пытавшийся его отгородить, невзначай сбросил двустволку с плеча...

– Амулет! – прервал его метания резкий возглас, – а ну снимай кулон, нечисть проклятая.

Литра замолкла в ожидании ответных действий... Которых не последовало. Парень замер в оцепенении раздумывая, не послышалось ли ему?

В тяжелом ожидании напряжение на её лице вылилось в смешную гримасу, а Эйн застыл в ступоре. Он хорошо помнил предупреждение трансцендентной сущности и не хотел ничего трогать.

– Я... – его правая рука медленно потянулась к шее и нащупала холодную серебряную цепочку. Медленно стянула её с головы, отвела в сторону и выпустила на землю. Амулет прощуршал по скошенной траве, прозвенел цепью и блеснул на солнце.

Толстая женщина пристально смотрела на всё это. Сзади копошился муженек, глаза его бегали по сторонам. Чтобы выживать в кошмарном лесу столько лет и иметь возможность прокормить свою семью, мало обладать ружьем с серебряными гильзами. Стоило парню подать знак, испустить ауру опасности или начать обращаться... хлоп и всё. Именно он представлял наибольшую угрозу для Эйна.

Секунды тянулись медленно. Литра, не сводя глаз, подцепила вилами загадочную подвеску и откинула её в сторону.

– Ладно. Затаскивай его в дом. В подвал. Койку уложи ему и дверь закрой. Детей не подпускай! Я пока всё подготовлю и принесу. Раны осмотреть нужно, обработать. Но не выглядит он как тяжелораненый. Как нечисть выглядит, такой же бледный, худощавый. Живенький больно.

«Так ты определись, нечисть или очень даже живенький! Надеюсь, я не совершил нечта непростительного. Кольцо всё еще при мне. Если такова цена, заплатить её не станет излишним», – Эйн наблюдал, куда полетел его драгоценный амулет и постарался запомнить местоположение или, хотя бы, попросить вернуть вещь. Однако опомниться не успел, как жиленький мужичок схватил его за силки и потащил к крыльцу. Дверь со скипом отворилась, открывая

вид на заваленную хламом террасу. Женщина взяла ружье и не скрывая своей настороженности проследовала за ними.

Эйн не видел, куда тащил его мужчина, но прекрасно видел, мимо чего он его протаскивал. Небольшая пристройка вела к тяжелой двери, которая в отличие от входной не скрипела и не дребезжала. Она казалась крайне массивной, несколько сантиметров толщиной и уже многие десятки лет укрывала обитателей этого дома от любых опасностей, что могут скрываться в лесной глуши.

«Думаю, если здание начнут штурмовать те зайцы, им вряд ли удастся так легко прогрызть подобную преграду. Уж проще будет пробиться с боков. Но не станет ли она и моими кандалами?» – Эйн больно ударился ногой о печь, дымоход которой уходил куда-то вверх, на второй этаж, а известь кусками сыпалась, оголяя оранжевые кирпичи. Кажется, он отколол от нее еще одну часть.

Справа от печи много места было выделено под кухню, по совместительству – обеденный зал. Здесь на полках хранилась многочисленная деревянная и металлическая утварь, столовые инструменты и порошковые мешки. Посредине стоял дубовый стол, а в углу разместился стол разделочный, от чьего убранства у Эйна сжалось внутри.

Только сейчас он заметил, как старые доски жалобно скрипят под колоссальным весом Литры, но она, кажется, смирилась и старалась не обращать на это внимания.

Следующей шла довольно просторная комната. По внешнему виду можно было судить – здесь в былые времена, люди, построившие это место могли вместе собраться, отдохнуть и по десятому кругу послушать удивительные истории из своего прошлого. Некая общая гостиная, куда рано или поздно стекались все жильцы этого дома. В левой её части по порядку шли заколоченные двери. Комнаты, выведенные из эксплуатации сверху до низу, были забиты тоненькими дощечками, что не пошли на растопку печи.

«Это так нынешние жильцы отказались от своего прошлого? Словно тлеющие угли вражды минули поколения и в конце приобрели подобную форму. Судя по всему, не заколоченными остались только те двери, что изначально принадлежали семье Мисаула».

Подвал. Как раз одной из таких оказался глубокий спуск в подвал. Охотник подождал, пока жена выйдет вперед, приоткрыв дверь и, развернув Эйна дабы тот мог протиснуться с ним в проход, аккуратно ступил на уходящие вниз ступеньки.

«Кто вообще делает подобные бункеры в деревянных домах?» – когда Эйна повернули, он заметил нечто интересное. В углу зала на второй этаж вела массивная деревянная лестница. Грубая, она явно не вписывалась в общий интерьер старинного дома. Словно была перестроена из подручных материалов. Лежащие на двух ребристых брусках, доски еще недавно выточены рубанком. Под лестницей расположилась двуспальная кровать, и в этот момент Эйн понял, что в ходе не самой удачной перепланировки гостиную переоборудовали под спальню. Из проема на второй этаж выглядывали три макушки. Они внимательно следили за своей матерью и странным чужаком, которого уже начинали спускать в темные глубины. Женщина сверху смотрела на утомительную картину того, как худощавый Мисаул, пытаясь держать равновесие, облокачивается на раненного всем телом, сгибая того в три погибели, лишь бы не полететь кубарем вниз. Лицо Эйна в такие моменты становилось незабываемым.

В конце лестницы их ждала еще одна металлическая дверь, впечатанная в стену из красного кирпича. Спуск, как и сам подвал находился под землей и света сюда не проникало от слова совсем. Мужчина не спеша облокотил локоть о стену и принялся нащупывать замочную скважину еще недавно висевшими на гвоздике ключами. Он было хотел что-то сказать, но, повернул голову и заметил жену с ружьем в руках. Решил прикусить язык, пока не представится следующая возможность.

Наконец ключ попал в скважину. Послышалась пара последовательных щелчков, и железная дверь отворилась. Литра не шла за ними, ей это было в тягость. Она прикрыла первую дверь и принялась подготавливать всё необходимое.

В подвале царил крошечная тьма. Мисаул, полагаясь на тактильные ощущения вошел в отворившийся зев, откуда тут же раздался металлический звон.

Вспых!

Тёмный коридор озарил свет керосиновой лампы. Хозяин довольно хмыкнул и повесил её на прежнее место, освещать промерзлое помещение. Еще на входе Эйн уловил характерный запах, а сейчас увидел перед собой подвешенное вяленое мясо, обернутое в тугую марлю.

«И это всё? Даже если здесь холодно, в таких условиях подобный провиант испортится за пару недель. Хотя, в тех мешках, кажется зерно. На случай бедствия они будут сидеть тут и есть зерно? Отбиться от монстров можно из ружья, но от голода оружия не существует. Я не видел ледника и, если это все запасы что у них есть, как они вообще сводят концы с концами? Всё опаснее и опаснее. Как же холодно! Неужели самое мудрое решение, что они смогли принять дабы обезопасить себя – запереть меня здесь? А еще, судя по всему, у них есть собаки. Краем глаза я заметил две пустые будки за домом. Даже если побегу, так просто уйти не получится. С другой же стороны, Мисаул вышел на меня в одиночку. Значит псов всё-таки нет?»

– Ты прости уж. Что получилось так. Посиди тут пока, шкурами укройся, – мужчина указал на неприметный тюк в углу, – у неё так часто бывает, побесится да успокоится. Потом сменит гнев на милость, быстро тебя на ноги поставит. Чужаков не любит просто. Мы после тебе определим комнату. Хлипенькую, но всё лучше, чем тут, пустых то навалом. Когда батька жив был... ну, давно еще. Все комнаты открыты были. В нашем доме во всяком случае. Это Литра настояла наглухо всё забить, когда дети родились, чтобы не бегать за ними повсюду.

И тут Эйна осенило. Вражда и призраки прошлого? До чего же глупо. Эти люди не стали бы заикливаться на нечто столь бессмысленном. Всё оказалось куда проще, приземленнее. Куда как важнее.

– А, ну... тут же можно сказать, два дома соединены. Вот тот, старый, уже сотню лет как не используется. Давно там ноги моей не было. Да и смотреть в той рухляди нечего, а чтобы дети не ходили, я их монстрами отпугиваю. Ссутся потом, правда, за что баба меня того, – мужчина ударил кулаком о раскрытую ладонь, – но так безопаснее. Руины на то и руины. Там раньше склад был, пока всё в сарай не переехало. Небось, погнило без ухода. Ливни у нас – дело частое.

– Мисаул!

– Иду! – Он среагировал на глухой голос откуда-то сверху и подскочил в сторону двери.

– А собаки... есть у вас?..

Охотник застрял в проеме от неожиданного вопроса. Он не понимал, что в его речи могло к нему подтолкнуть. Глаза опустились в пол, лицо занял задумчивый взгляд.

– Нет... нету собак. Луччи и Заря они... позапрошлый год... э-э... со словом грусть созвучно, да... – мужчина замялся, задумался, но резкий голос вырвал его из транса.

– Мисаул! Прележень недобитый! А ну тащись сюда! – Эйну хватило понять, что не смог сказать мужчина.

«Страшно представить, с каким трудом ему далось это решение, но мне плевать. Теперь я уверен наверняка – в крайнем случае действовать предстоит решительно и выбора предстанет два: подготовиться, либо занять место на кухонном столе».

Охотник поспешно закрыл дверь на замок и выбежал наверх с криками: «Да иду я! Иду!»

Эйн остался один в холодном подвале, окруженный лишь тусклым светом керосинового фонаря. Наедине со своими мыслями. Но лишь стоило ему сосредоточиться, становилось также светло, как днем и фиолетовый спектр изгонял ночь. Но не только внутри. Он выходил дальше, за железную дверь. Эйн чувствовал три разрозненных сердцебиения впереди, чувствовал силу-

эты и столь же отчетливо чувствовал, как они вглядываются во тьму подобно тому, как его глаза взирают оттуда на них.

«Как странно. Да, я лишь учусь, но аура одного кажется такой... неестественной? Это тот младший, которым так гордится мой мучитель? Думаю, когда в семье родился инвалид, мать была вне себя от горя и, судя по рассказам Мисаула о её характере, решила, что во всем виноваты потусторонние сущности, – Эйну поднял руку и снял обвязанный ломтик мяса с крючка, уйма которых висела на протянутых по подвалу нитках, – после этого детей у них не было... выглядит съедобным. Если мне отказали в таковой чести, придется устроить тёплый приём себе самому».

Бум!

Полубог одернул взгляд и быстро сообразил, откуда донесся приглушенный стук. Неугомонные дети. Стоило на секунду отвлечься, как они поменялись местами. Старшего мальчика, что еще недавно всматривался в щель, вытеснила сестра, чьё лицо больше всего запомнилось Эйну еще там, наверху. Сложно судить, но на первый взгляд ей было около двенадцати лет. Три ребенка с разницей в два года каждый. Младший же брат, с нерабочими руками упал на пол, чем и вызвал такой грохот. Старший в это время смотрел на него со стороны, сжимая и разжимая кулаки.

«Пожалуй, таким людям тяжело среди сверстников. Даже если это родня. Но что самое удивительное, он не сказал ни слова, не разрыдался. Не смеет перечить старшему брату, что обижает его? Но почему не пожалуется родителям? Неужели привык к подобному... не то, чтобы меня это сильно волновало, но когда видишь людей насквозь, так и норовишь разобратся в их психологии. Дурная привычка, что в нужный момент способна спасти жизнь. Например, не выполни я тогда указаний Литры – дела бы приняли дурной исход. Хотя, то было понятно интуитивно».

Пока мужчина размышлял о своём, мальчик поднялся на ноги и ушел в сторону второго этажа. Вместе с тем, окружающая его дымка тоже растворилась.

«Значит, десять локтей? Расстояние, на которое способен зреть полубог – какие-то десять локтей». – Столь же внезапно он почувствовал, как справа из ничего проявился силуэт женщины и был поражен до глубины души. Насыщенность, плотность, количество астральной энергии в её теле в разы превышали всё, что приходилось ему встречать до сих пор. Литра искала какие-то ингредиенты в мешках, на фоне которых огромная туша прямо-таки сияла. Практически столь же ярко, как сиял амулет на её шее.

Глаза Эйны сию же секунду налились кровью, а зубы заскрежетали.

– Ты... да как ты...! – он с трудом подавил резкое желание подняться и оторвать её жирную голову вместе со своим кулоном, но вскоре расслабился. Сейчас ему с трудом давалось оценить уровни их сил и могло стать так, что голову оторвут ему. Куда спешить? Лакриматорий на глазах пожирал её жизнь.

Через несколько минут наблюдения за странной семьей дверь в подвал скрипнула. Первым вошел Мисаул, держащий в руках аккуратный бумажный сверток. Он виновато посмотрел на Эйну, после чего сделал пару шагов и отошел в сторону, облокотившись о стену. За ним последовала Литра. Она даже не пыталась скрыть обновку, а издевательская ухмылка не сходила с её лица. Эйну улыбнулся в ответ. Так напряженно, что у него свело скулы.

– Ткань и листья, – она указала на облепивший раненного тягунчик и перевязь, что до сего момента непоколебимо стягивала его грудь.

Эйну продрогшими, трясущимися от холода руками начал оголять свои раны. Этот процесс оказался безболезнен и отчасти даже приятен. Еще на первом мотке парень заподозрил неладное и вот, впервые за долгое время, когда появилась возможность вздохнуть полной грудью, он задержал дыхание. Боялся даже шевельнуться.

– Вот же... – перед его глазами маячило столь знакомое ружье, а женщина уже кричала во всё горло:

– Пришей его!! Быстрее! Я ж тебе тварь говорила, что нечисть домой привел! Ну!

Охотник напрягся. Четырехпалая рука лежала на гашетках, хватило бы всего одного мановения. Но что-то внутри него отговаривало слушать жену. Надежда мелькала во впалых глазах. И с этой надеждой он ждал. Не хотел принимать поспешных решений. Не мог взять на себя ещё больший грех.

– Амулет! Это всё амулет! – Эйну хватило мгновения, чтобы оглядеть почти затянувшиеся шрамы на груди и придумать столь искусную ложь, – на амулете лежит великое благословление, что способно отгонять зло, залечивать даже самые трудные раны и удачу приносить! Я не вру! Вы только посмотрите, как аметист в нем блестит и переливается! – Эйн заметил, что заставил женщину задуматься над чем-то и решил задавить её до конца стадным мнением, – и муж ваш, я уверен, тоже видит. А знаете что? Спасибо. Спасибо вам огромное. За моё спасение вы заслужили не только благодарность. Я настаиваю, он принадлежит вам и вам по праву. Прекрасно будет смотреться на такой элегантной и эстетичной женщине. Ваш муж может это подтвердить. Он способен вылечить все ваши болезни, и вы будете жить долго и счастливо. – Мисаул усердно закивал своей жене. Она, в свою очередь, не могла скрыть накотившей улыбки.

– Это понятно, я тоже так думаю. Но лесная птичка нашептала мне, что у тебя было интересное кольцо...

– Да, оно потерялось. Бесследно. – Эйн сохранял спокойствие, в душах проклиная Мисаула.

– Хах... тут уж ничего не поделаешь, – Литра с досадой вздохнула и было хотела сказать что-то ещё, но зашлась внезапным приступом режущего кашля.

– Хххх... кха... а кхак... кха... амулет рабо... кха, – она схватилась за раскаленную грудь, готовясь вырвать из нее легкие.

– На всё высшая воля. Если он признает ваше сердце чистым и помыслы благими, одарит своей благодатью.

Пока Литра приходила в себя, Эйн с удивлением подчеркнул отсутствие видимых изменений своего тела. Оно, безусловно, стало крепче, но рельефный каркас мышц оттого не выступил. Ему ещё не довелось в полной мере ощутить новоприобретенную силу астрала, однако даже сейчас он понимал, насколько она противоречила законам его и этого мира. Астральная дымка всё продолжала бурным потоком втекать внутрь, словно по закону сообщающихся сосудов и заполняла каждую клетку его тела. Тем не менее важной была иная особенность. Поглощал он жизненную силу других существ. Иными словами – стерилизовал пространство вокруг себя, изничтожая любой микроорганизм.

– Кхак... если узнаю, что ты мне соврал! Чистое сердце говоришь, хе-хе, будет тебе чисто сердце... – Мисаул мысленно осенил Эйна символом лесных божеств, в которых верил, положил тканевый сверток и поспешно удалился в дом.

«Я остался наедине с жутким монстром. Способным проглотить человека целиком... что она хочет сделать? Сама же сказала, там лечить уже нечего, оставь человека в покое!»

– К твоему счастью, я не только хороший врачеватель, но и медиум. Ты веришь в духов?

– Нет...

– Ничего, скоро начнешь, присядь, – женщина приземлила седалище рядом и развернула свёрток, из которого на бетонный пол тут же посыпались чёрно-синие, жемчужные ягоды. В них Эйн узнал те самые сладковатые бусинки, от которых его выворачивало наизнанку. Они ударились и раскатились по сторонам, затерявшись в темноте подвала.

– Подношение зверю. Лучше принять внутрь, но и так тоже сойдет. Иначе эффект окажется слишком сильным.

– А?.. – Эйн чуть было расхлопнул варежку, чтобы задать вопрос, как рука женщины вбила в его рот нечто мягкое и блевотно-мочалистое. Закрыла его, приподняла подбородок и провела по горлу, заставив проглотить. Парень даже не понял, как это гадкое вещество оказалось внутри.

– Приправа для вкушающей.

– Для кх...кого?

Наконец, пришло время содержимого свёртка. Полубог, с трудом сдерживающий рвотный рефлекс, кинул на него беглый взгляд и вздрогнул. С белой ткани Литра подняла две красных свечи и кусок воска. Эйн постарался не думать, где она нашла природный краситель. Спусти всего пару секунд он держал в руках по зажженной свече, пытался взглянуть в дрожащий свет и терпел. Терпел! Терпел куски слюнявого и пережеванного воска, что фонтаном брызжали ему в лицо. Одновременно с церемонией осквернения человеческого достоинства, она зажгла связанный звериным волосом пучёк диких трав, положила его внутрь небольшого полого браслета с отверстиями и стала кадить перед лицом, бормоча себе под нос молитвы духам, как учила её мать, а её – её мать.

«Абзац...», – единственное слово, желавшее сорваться с его губ.

– Эйн, говоришь, Фельтьер? – когда женщина дожевала воск до конца, она встала, достав из свёртка два оставшихся предмета – гвоздь и куклу, после чего вышла из комнаты, заперев за собой железную дверь. На все два оборота.

«Куда я попал? Зачем? Неужели она не могла просто одолжить амулет обратно? Какое отвратительное месиво я сожрал и почему огонь стал таким зелёным? А, нет... синим. Или уже фиолетовым... разве тут не было двери? Мясо и ягоды... Куда делись мясо и ягоды, руны... мясо и ягоды? Четырнадцать пальцев, четырнадцать пальцев и мать пауков... нет... где я? – в глазах потемнело, а мысли спутались. Где-то глубоко внизу, в огромной пещере. Звук бьющей капли, темнота, ни стен, ни свода... рык, громкий и отчетливый. Чавканье, шепот, всё смешалось перед его глазами. Звон в ушах и демоны, бесконечное множество существ, скачущих в тенях. Они елозят, жуют, скребут, режут, рычат, зудят... так и норовят залезть под кожу, отложить под ней свои яйца. – Дыхание, но не моё. Я ощущаю его на своей шее. Чей-то язык и слюна. Четырнадцать пальцев и мать пауков... не мои мысли... отец... оно обвилось моей шеей, трётся и елозит, пытается распробовать... Нет, я не дамся. Не так просто, я...»

Зубы задрожали, уши заложило и на глаза накатили слёзы. Мужчина хотел дёрнуться в сторону, но не смог пошевелиться. Его руки по локоть истекали кровью, а на груди вместо ран зияли сквозные дыры. Боль. Страх. И существо, сидящее на его спине, пожирающее изнутри. Рык приближался. Стук копыт, млеяние ягнят, четырнадцать пальцев и мать пауков. Срыв.

Глухой крик вырвался из подвала и настиг всех обитателей старого дома.

– Болезнь есть чума, вкушающая есть пламя, зверь есть избавление. Два подношения, две свечи и верная рука что направит. Смрад, открывший врата. Пламя пожрет недуг, недуг взойдёт к избавлению, избавление пожрет пламя. Металлический привкус долга, что останется, – девочка из раза в раз повторяла заученные слова. Глаза её вспыхнули фиолетовым, но опустить взгляд в подвал она не посмела, – Хозяин лесов с семью когтями на двух лапах и Хозяйка глубин. Четырнадцать пальцев и мать пауков. Звери высшего порядка, голодные хранители. Наши прародители. – Наконец, она вывела себя из транса и размеренное её дыхание стало сильным, прерывистым.

– Вичи, а прошлый также кричал? Или ещё громче? – спросил старший из ребят у сестры.

– Не помню. Это два года назад было, – ответила она, отдышавшись и ещё крепче прижалась к его руке, – но если мама обратилась к зверю, сильно, должно быть, он её разозлил. Жертва зверю – мощная магия связи, которую создала и часто практиковала ещё наша бабка. Главной её целью является установление контакта со старшей сущностью путем жертвопри-

ношения вкушающей – более слабой сущности, выманивающейся человеческой болью... и помётом летучей мыши. Для первого и используется кукла с гвоздем. Лечение больного является лишь побочным эффектом. Вкушающая начинает пожирать боль и раны больного, а чтобы та на увлекалась, в конце вкушающую пожирает зверь и даёт свершившим ритуал своё благословение. В деревне говорят, мол те, кто помечен зверем ступать в лес могут не боясь, куда с тобой его запах – дикие звери не страшны.

Они сидели на краю небольшой кровати в детской спальне. Вторая кровать стояла напротив, в ней лежал младший мальчик. Одетый в обноски старшего брата, исхудалый и больной. Жизнь обошлась с ним несправедливо.

– Тот вообще не кричал. Тока папка раненный кричал. Когда прошлый за оленем ушел. И волосы рвал ещё. Папка тогда три дня в подвале сидел...

Сама комната была небольшая, да и постельного белья на всех членов семьи не хватало. Литра сама настояла на том, чтобы старший брат спал рядом с сестрой, хоть отец и был категорически против.

– Всё то ты помнишь, тебе тогда шесть было, – девочка закинула обутые ноги на его кровать и даже бровью не повела. Издевки над братом уже вошли у нее в привычку. А калека не был против. Он покорно подвинулся и лёг на бок, повернувшись к ним спиной, – и вообще, если бы мама того оленя не поймала, мы бы померли все. Так ей еще и отца на себе пришлось тащить. А плакал он только оттого, что мы вместе с Глаголем в город не пошли. Папка слабый, старый уже. Вени скоро сильнее станет, и мы тогда поженимся, как мама и говорит...

– Да замолчи ты! – Вени одернул руку и сжал зубы, но увидев недобрый взгляд сестры, вернул всё как было. – Веди, не было такого. Да и ты не права. На самом деле папка того оленя поймал. А матушка сказала на себя, потому что хотела над ним поглумиться.

Вичи не слушала его. Она потянула руку брата на себя и аккуратно зажала между ног, но тот быстро выбрался из западни и отсел от сестры, которая тут же прильнула вновь.

– Мама говорит, что юродивый он. Глупости только и мелет. Надо в город уходить, надо в город уходить. А я не хочу в город уходить! И дядьку привел еще одного. Прошлый нас хоть сладостями угостил и истории рассказал, а этот как зверь. Кричит даже по-звериному. И прибить его нужно, как зверя.

– Не зверь он! И папка плав! – младший брат резко обернулся, чем напугал их обоих, – и Глаголь мне сам сказал, что за оленем идет... а после, небось, за Нидеем в город сбежал.

– Точно, Нидей. А то уж и забыл, как его звали. Жаль, Глаголь нам весточки из города не шлёт. В деревне то почта есть, рассказал бы хоть, как поживает.

– Потому и не шлет, что видеть вас больше не хочет. И я не хочу! Вот уйду один с папкой, тоже ничего не пришло.

– Замолчи ты уже!

Вичи пяткой прописала в лицо младшего.

– Веди, я... – Хотел было успокоить Вени брата, но она сжала его ладонь до болезненных ощущений. Оставалось лишь наблюдать, как кровь тонкой струйкой стекает из носа а слёзы наворачиваются на его глазах.

– Если пожалуешься, маме расскажу, что это ты тогда её зеркальце разбил!

– Но это ш ты рашбила! – говорил он сквозь слёзы.

– Так, а кому она поверит!? Она тебе никогда не верит и мне она говорила, что ты как папка юродивый.

– Ладно, пойдем, Вичи. Может, родителям помочь надо, брось это... – Вени потащил её к двери, а когда девочка скрылась из виду, вернулся в комнату и проговорил шепотом:

– Веди, пожалуйста, не говори отцу. Скоро всё изменится. Потерпи еще немного. Помнишь нашу клятву на мизинчиках?

– Угу, – кивнул он, утирая промокшие глаза, – а это правда, што когда маманька помрет мы все в город поедем?

Вени замялся. Он думал, что сказать брату, но заметив следящую за ними Вичи сухо выдал:

– Вы с папой точно поедете... точно...

– Нам не страшно пламя епископов, огненной дланью клеймящих наших жен и детей! Нам не страшны монстры, что ползают и поджидают снаружи. Нам не страшны голод и поветрие, ибо не тронут они праведных и чистых духом. Так какой кары мы боимся? Бог давно покинул эти земли и проказа пустила корни в сердцах людей. Навьелат – вот кто настоящий кках... – шею человека, выступающего на подмостках со свистом рассёк метательный клинок.

– Инквизиция! – в один голос завопили люди в переулке, где проходила агитация. Они рванули кто куда, в рассыпную. Сброшенные вниз, среди бегущей толпы блеснули колбочки с привязанными к ним пробами из белого металла. Флаконы, наполненные щелочью, быстро достигли земли.

Хруст!

Огромное облако пара взмыло и моментально расплзлось во все стороны. Оно поглотило в своих объятиях самых нерасторопных. Затем более быстрых. А после всё затихло. Когда сероватая пыльца опала, исхудавшие бунтовщики мирно спали, расположившись во всевозможных позах. Лишь на подмостках лежал человек, с бурлящим звуком извергающий из себя темноватую кровь.

– Действуйте как обычно. Мужчин, что покрепче, в тюрьмы. Женщин и детей заклеить в отступники, тех кто уже заклеимен – убить. Стариков в расход. – На крыше здания стоял человек в белом плаще с капюшоном, окаймленным золотыми узорами. Его лицо скрывала маска с огромными, выпученными глазами и гривой на оправе. Руками, облаченными в золотые латные перчатки с религиозной символикой, он рылся в небольшой наплечной сумке. В окружении его стояли личности столь же причастные, однако в отличии вид имеющие более шаблонный. Без излишеств роскоши, лишь практичность в выполнении поставленной задачи. Белые накидки и скрытые позолоченными масками лица.

Получив распоряжение, они молча прыгнули вниз, попутно распутав из-под широких пол плащей стальные цепи. На одном их конце крепился острый хопеш, сильно изогнутый и больше напоминающий крюк. Другой же цеплялся к наручу особой формы, позволяющему быстро привести оружие в боевую готовность. Мужчина, наконец, достал из сумки золотистый порошок и тщательно натер правую руку. Рисунок на его ладони и перстах начал нагреваться и исходить паром. Епископ шагнул вперед, с крыши, и легко приземлился на ноги рядом со спящим мужчиной, которого уже опутывала чёрная цепь. Он расправил пятерню, положил её на лоб бунтовщику, медленно выжигая знак солнца с расходящимися лучами. Спящий никак не реагировал на резкую боль. Как только рука оставила ужасающий дымящийся след и запахло жареным мясом, инквизитор пошел клеймить следующих неудобных.

Архикафедральный собор. Главный зал, на который было потрачено, возможно, всё золото мира. Драгоценные колонны взвивались копиями в высокие своды и лишь танцующий огонь свечей на замысловатых канделябрах нарушал тишину своими потрескиваниями. В центре этого места на массивных цепях, немного отрываясь от земли, висел богато украшенный гроб, обставленный цветами. Над ним стоял молодой мужчина в белой рясе с епитрахилью и смотрел на лицо умершего старика. Позади, преклонив колено, стояла девушка. Её шлем был прижат к груди, а огромный фламберг возложен в руки терпеливого слуги – старика в преклонном возрасте, лицо которого было замотано белой тканью.

Нарушив царившее молчание, она поднялась и, сделав два шага назад, приняла полуторный клинок. Неясная дрожь пробивала всё тело, то-ли так сильно давила возложенная ответственность, то-ли ужасающая аура нового архиепископа, от которой страшно было отвести взгляд.

– Именем первой госпожи, благотворной и милостивой Алледы я, проклятый рассвет принимаю клятву твою. Служи великому солнцу и людям, как доселе служил своему чреву. Отрекись от благ, ибо станут они ношей твоей, от прошлого, ибо в свете Его ты преисполнишься и от будущего, ибо принадлежит оно не тебе.

Девушка подошла ближе, мужчина обернулся. Его карие глаза ужасали своей глубиной, затягивали и завораживали. Было отчетливо ясно – он не коренной минантиец, после чего ребром вставал уже иной вопрос. В остальном же его вид не был примечателен, человек из глубинки, немного рябой, но не более того. Теперь на колени припал он сам, перенял клинок, направив его остриё на свою голову.

– Закрепи свои благие намерения с памятью земли, взрастившей тебя. Земля помнит каждый луч, коим была одарена. Докажи свою верность и отдай самого себя так же, как отдашь свою плоть и коли однажды собьешься с пути помни, какую жертву принёс.

Мужчина стиснул зубы и с размаху засадил церемониальный меч себе в глаз. Хлынула тёплая кровь, послышался скрежет зубов. Когда остриё покинуло глазницу, он как ни в чём не бывало поднялся на ноги. Девушка улыбнулась. Это единственная поддельная эмоция, на которую у неё хватило сил.

– Архиепископ Навьелат, теперь я могу называть вас так и если вы способны меня слышать, я не смею откладывать свои чаяния. Прошу, остановите Парфенона. Я знаю, это вы неделю назад отдали приказ. Город ещё не залечил своих ран, но вновь истекает реками крови. Те бунтовщики, что остались – лишь жалкие крысы.

– А крыс нужно гнать пламенем. Я понимаю, дорогая Калея. Слепец не расскажет другому слепцу, как прекрасно небо. Если ты желаешь меня упрекать, тебе и самой придется открыть глаза на истинную суть вещей. Мы здесь как скот, ждущий своего часа на бойне. Лишь собрав вместе все силы люди способны противостоять катаклизму, а они... мало того, что эти обреченные пошли против церкви. Они отринули веру!

– Ваши слова жестоки... любой заслуживает прощения.

– Нет, если подступиться к этому с другой стороны. Считаю происходящее естественным отбором, сокращающим количество голодных ртов, – мужчина замолчал и задумался, глядя на негодующее лицо девушки. – Тары с зерном пустеют и в верхнем городе, и в погребках торговцев, а запасы подходят к концу. Прошлый год был неурожайный, а в этом... мы не способны прокормить всех голодающих. Стены города вместили больше беженцев, чем на то было рассчитано. Остается уповать на план Дамьена, проложить безопасный маршрут в Альвию.

– Ни один тракт сейчас не безопасен. Я уверена, группа во главе с первым перстом левой руки разбита, как и все до неё. Наш единственный шанс в найденном послании...

– Забудь... пора забыть про усадьбу герцога Лоа. Люди и члены семьи Лоа не смогли бы протянуть там и дня, а сама формула пестицида находится лишь в головах главной ветви. Эта вылазка не стоит подобных рисков, останки гонца, принесшего письмо о помощи так и не нашли. Дамьен уже посылал несколько групп...

– Но то были группы! Мы можем выслать армию! Вы отправите инквизиторов, мы с Шимилом соберем заключенных и наемников. Выждем сухой погоды и выдвинемся в очищающий скверну поход.

– Четыре тысячи, – девушка осеклась, а мужчина нравоучительно продолжил. Казалось, он совсем не обращал внимания на то, как истекает водопадами крови. – Четыре тысячи преданных и ревностно верующих дьяконов. Четыре тысячи трупов, что сейчас прахом, подгоняемым ветром, рассеяны по улицам. Вместе с теми, кто жестоко оборвал их жизнь. Мы смогли

подавить этот бунт ответным насилием, но гнев в сердцах людей еще не угас. Стоит нам ослабить хватку на шее культа строенной луны, второго такого будет не избежать. А ещё дождь. Достаточно морякам хоть немного прогадать с погодой – новые жертвы будут не на их совести. На твоей. И Дамьена, который, я уверен, согласится на любую авантюру, что не пойдёт ему в убыток.

Наконец, мужчина понял, что чувствует себя неважно и оперся об одну из несущих колонн.

«Тц, змей. Архиепископ Айектгамей был прав, ещё немного и город окажется в его пасти. Спорить с ним – отнимать добычу у дикого зверя».

– Простите мою дерзость, Госпожа, напомню, вечером у вас назначена встреча с госпожой Розалиной, – Калея испугалась за внезапное вмешательство своего лакея, хотела было начать вымаливать его прощение, но, заметив чрезмерное равнодушие Навьелата, успокоилась. Даже слишком чрезмерное для проступка, нарушающего церковный этикет.

– С вашего позволения, я вызову лекарей-алхимиков из башни и оставлю вас. Желаю сполна насладиться своей властью... и монокулярным зрением, ваше преосвященство. Пойдем, Полтс. – Копьё церкви вместе со своим слугой беспромедлительно покинули собор.

Новый архиепископ остался в одиночестве смотреть на старика, чьё посмертное ложе начинали охватывать тонкие языки пламени. На его лице промелькнула улыбка.

– Скоро вызывать будет некого...

Он посмотрел в конец зала, откуда из-за колонны вышел темноволосый мужчина смазливой наружности. В руках он держал золотую маску со слезами, которые по непонятной причине текли вверх, а ехидное лицо выражало лишь одну эмоцию – нетерпение.

– Хорошо, иди. Оставь лишь одного, самого глупого, дабы продолжал работу. Покажи милость церкви. Остальных убей. Сойдут и те улики, что я тебе дал, никто не пойдет против воли епископа. Прилюдно обвини в заговоре, заткни рот и заживо сожги на костре вместе со всеми рукописями за последние пару месяцев. И самое важное – не подпускай копьё к этому делу. Займи её чем-нибудь. Чем угодно... а теперь ступай, – он подождал, когда епископ удалится, пожал плечами и, отвернувшись, засунув два пальца в глазницу, вытащив оттуда остатки... – Вы начали копать рано. Слишком рано. Хм. Сами виноваты.

Эйн встал. По пробуждении он не был уверен, от чего потерял сознание, но немного поразмыслив и вспомнив, перефразировал вопрос у себя в голове: «От чего именно?». Чем больше он вспоминал, тем сильнее его кидало в дрожь, тем чаще приходилось смотреть за спину. На удивление, боль полностью отпустила. Ноги ощущали твердь, а рука безболезненно пыталась сжать отсутствующие пальцы, чем вызывала сильный диссонанс. Грудь оказалась туго перебинтована.

Дверь подвала бесшумно открылась и внутрь вошел седоватый мужчина, держащий в руках скомканную одежду.

– Пошли, как я и говорил. Без дела она тебя не оставит. Надо дрова наколоть, а после срубить дерево и снова наколоть, на целую зиму. Дровник доверху заполнить, этого в уплату долга будет достаточно. Долго ты, кстати, спал. Думали, не помер ли, – Мисаул не сильно удивился, увидев Эйна стоячим. Для человека, разделяющего кров с медиумом, он был мало сведущ в мистике, однако в массовое помешательство поверить не мог в меру своей заниженной самооценки. А вот в исцеляющие высшие силы он верил охотно, ибо и сам не раз испытал их на себе. – Меня не будет до вечера, так что ты... ээ-э, – мужчина поджал губы, хотел найти обнадеживающие слова, однако, ничего не пришло в седую голову, – старший будет за тобой поглядывать. Литре сегодня не здоровится сильно, бегать за тобой она не станет, вот и велела ему отдать пистолет. Старый. Дедов ещё, военный. Тогда всем желающим выдавали, эх, было время... ну дак вот, – он перешел на шепот, – я ему сказал, чтобы тебя не боялся особо. Но и ты

тоже не вытворяй. Мы ж хотели тебя в наручники заковать, а потом как поняли, что никак не выйдет, так пол от смеха трясся. Ты уж прости, что о больном. Комната твоя наверху, гаргуля эта тебя жрать не будет, не подымится, но детей послать может.

Мужчина вложил в его руку склянку с ужасно вонючей мазью: «Пятерых клещей мы из тебя целиком достали, а вот еще двух... ну ты понял», – Эйн судорожно начал проверять свои ноги и тело, – четверо суток потерпи, как всё подготовим, в деревню пойдем. Там с одним человеком можно договориться, он тебя в город и переправит. Пристроит там. В залог, конечно. А потом, как обоснуешься, так и выплатишь всё.

Они поднялись наверх. Большой зал был пуст, но вопреки ожиданиям, в двуспальной кровати под лестницей никого не было. С кухни доносился приятных аромат. Практически неразличимый, но всё же приятный.

– Мы поесть успели и тебе оставили. Солнце уж выглянуло, поиздержался я. Ты тут не на правах гостя, конечно, но и не загоняйся. Перетерпи чуть, а я уж, как-нибудь, четыре дня ещё одного жилья протяну.

С этими словами он незамедлительно вышел на улицу, оставив в доме тяжкий груз, что лежал на его душе. Эйн зашел за перегородку, отделяющую кухню и зал и заметил на столе деревянную тарелку с серовато-белым содержимым. То являлось крайне пресной кашей из каких-то злаков. С краю лежали два небольших кусочка вяленного мяса. Еще ни одна еда не ощущалась ему столь вкусной и изысканной. Еще ничто не вызывало подобного наслаждения. Он хотел растягивать этот момент как можно дольше, но повар явно поскупился на размер порции и снедь быстро закончилась. Всё это время за ним пристально следил чей-то взгляд. Он не дрогнул даже когда Эйн повернулся и заметил его присутствие. Только сейчас он понял – за исключением рук, недуг коснулся и челюсти мальчика, что имела крайне необычный, даже пугающий прикус.

– Ты же Веди? Разве это тебе было сказано приглядывать за мной? – Эйн понял одну неожиданную загвоздку, – он не знал, как ему следует разговаривать с членами этой семьи.

– Нет, я просто шмотрю. А Вени наверху. Он мне шказал смотреть, а ешли что не так, так шразу к нему бежать! – мальчик перестал прятаться и зажестикულიровал своими культами. Как мог. – Папка наказал строго настрого тебя не трогать. Кто ослушается, тому он обновки из деревни не принесет, – тут мальчик перешел на шепот, – а Вичи брата уговаривает тебя застрелить. Вени то не дурак, он её шлушать не станет. Да вот только она тоже не лыком шита. На раз-два его уговорит.

Эйну было сложно разобраться в каждом отдельном слове, сказанном мальчиком, однако общую картину он понимал и был не рад услышанному.

«А малой то не промах», – воскликнул он в сердцах. На секунду Эйн даже пристыдился своего плана.

– Это печально и, признаться честно, мне страшно. Мисаул говорил, что дал вам пистолет. Он заряженный?

– А как же, папка хотел рашрядить, но ему не позволили.

– Ну надо же, дикий лес, монстры кишат, а у вас всего один пистолет на всю семью. Не порядок это.

После подобной провокационной жалости гордость мальчика, что по рассказам Мисаула очень любил следить за хозяйством в доме, была задета. – Да нет же, у наш его навалом! В шарае на складе две винтовки, пиштолеты и даже гранаты есть. Так мало того, там в железном ящике кое-что особенное припрятано. Жалко, Глаголь с собой автомат унёс.

– А кто такой Глаголь? – он доел остатки каши со дна и задумчиво посмотрел по сторонам в поисках чего-то похожего на раковину, где можно мыть посуду.

– Как кто? Брат мой. Ему в этом году пятнадцать ишполнится. Папка говорит, он вместе с Нидеем в город убежал. Да только странно там всё получилошь, ибо мне он одному чётко и

ясно сказал: «Пока я не приду с оленем, не ешь мясо, Веди». И сбежал с автоматом наперевес. Если честно, – малец сделал руками рупор и перешел на шепот, – все так думают. А я думаю, что его в лесу съели.

Эйн окончательно запутался. Он улыбнулся и хотел спросить о личности Нидея, но мальчик опередил его.

– Мамка пойдет утром в сарай за нитками. У нас там склад, но пока она их отыщет... грибы повесить хочет. Они до этого во дворе на поддоне сушились, а теперь будут в подвале висеть. А если бы папка из-за тебя не опоздал, мы бы еще тогда сделали рагу.

– Ладно. Иди, зови брата. И топор мне дайте, – Эйн встал из-за стола и направился к выходу, но как только мальчик скрылся из виду, остановился у двери.

«Все входы на ночь запираются, это простые меры предосторожности. В идеале ключи должны быть в двух экземплярах. Один у Литры, другой у Мисаула, но оснований так полагать немного. К тому же, на окнах решеток нет и если припрет, уходить буду через них. Главная проблема в огнестреле... и детях. А еще Литре стало хуже. Не из-за амулета ли? Выходит так, что я подсыпал яд человеку? Решено, теперь настало время выгадать момент для побега. Эти люди не держат на меня зла, но их нравы ни к чему хорошему не приведут».

Он уже заканчивал колоть дрова, когда из дома показались трое детей. Они подошли к Эйну, поглядели как тщетно он старается орудовать колуном одной рукой и в рядок уселись подле него. Полубог почувствовал себя заключенным. Самый высокий, старший мальчик, у которого что-то торчало из-за пояса, начал первым.

– Мама мимо не проходила? – Эйн не был настроен на разговор по душам с мелкими аборигенами, но уважив Мисаула, коротко отсек: «Нет».

– Значит, всё еще копается. Или упала и подняться не может. Такое уже было. Ей сегодня особенно нездоровится. Веди, сходи и проверь.

– А почему я то?

– Так у меня пистолет, а Вичи помочь не сумеет.

Мальчик косо посмотрел на брата, потом на Эйна. И как можно быстрее побежал, чтобы не оставлять их надолго одних. Когда младший брат скрылся за углом дома, Вичи ехидно улыбнулась. Она подобрала с земли камень с острой кромкой, замахнулась и бросила Эйну в висок. Тот даже не шелохнулся. Снаряд отскочил как от стали. Девочка осталась недовольна таким результатом и на этот раз взяла полено. Поняв, что не докинет с большого расстояния, демонстративно встала и подошла ближе, толкая его вперед всем телом. Эйн повернул голову и тут уж не ясно, в чьем взгляде пребывало больше надменности. Мелкая дрянь была почти вдвое ниже него, но откровенно нагло смотрела прямо в глаза.

«Как же тщетно... за кого ты меня принимаешь? Столь жалкая провокация не дотягивает даже до детской. Хотя, признаться, бросить камень в обидчицу хочется исключительно интуитивно», – Эйн хотел было ответить укором, но заметив, как мальчик позади демонстративно потирает ствол, лишь прикусил губу и, улыбнувшись, продолжил работу.

Вичи посмотрела на брата с намеком – лучшего шанса может и не быть, а тот, в свою очередь, начал неспеша поднимать руку.

– Так кто такой Нидей? – Эйн вспомнил слова Веди и заподозрив неладное, решил тянуть время. Он повернулся к детям спиной, чтобы не провоцировать лишний раз. Наступательно перешел в дружеский разговор. Хотя бы до прихода Литры, а если не получится... вести разговор на самом универсальном языке. Вот что случается, когда власть в руки получает вменяемый простак. Но, несмотря на его удивление и напряжение, громкого выстрела и острой боли не последовало. Мальчик и сам не спешил давить на курок, несмотря на немые вопли сестры.

– Нидей тут до тебя был. Года два назад. А тебе про него Веди разболтал? – он старался не смотреть на Вичи, которая всячески жестикулировала и подавала сигналы действо-

вать. Десятилетняя девочка сама стремилась выхватить пистолет и прикончить мужчину. Она стала набрасываться на брата, в ход пошли кулаки.

«Я ведь полубог? Так с чего должен терпеть их насмешки? Подумаешь, пистолетный выстрел. Стоит им надавить на курок и все свои действия я сочту самообороной... нет. Не паникуй, не дай такой мелочи выбить тебя из колеи», – он продолжал колоть дрова. Со лба тонкими струйками потекла испарина.

«Всего один взмах. Их головы покатыются по поляне. Но разве я могу совершить нечто подобное? Когда Мисаул помог мне в трудную минуту... минуту, помог? А с каких пор я стал считать его своим спасителем? Однажды надев маску, так легко забыть, что находится под ней!» – Его рука крепко вцепилась в рукоять. Звуки борьбы за его спиной становились громче. Он развернулся, чтобы набрать крутящий момент для удара и...

Бах!

Эйн отпрыгнул от испуга. Мальчик случайно нажал на курок в ожесточенной схватке за право владения оружием. Пуля ушла в бок и судя по всему, остановилась в частокосе, знатно перепугав и всполошив всю окрестность.

– Что там у вас происходит!!! – из-за дома уже бежала, содрогая землю, мать, наперевес со старой винтовкой. Поспевая за ней плёлся Веди.

Эйн опустил топор и наблюдал за вставшими по струнке детьми: «И это человек, которому поплохело!?»

– Мама, это всё он! Он хотел...

– Не слушай её, мама. Дядя не виноват, она всё...

– А ну умолкли... живо! – Женщина перескрипела своих чад тонким сопрано, после чего зашлась приступом глухого кашля. Эйн не знал, что делать в такой ситуации. Лишь надеялся на благоразумие Литры, да только им тут даже не пахло.

К удивлению для него, хозяйка, откашлявшись, молча подошла к Вени и отняла у того огнестрел, сопроводив действие увесистым подзатыльником.

Парень выдохнул с облегчением: «Значит, мне не показалось. Она действительно любит своих детей и любит их одинаково. Иначе всё спускала бы с рук».

– Плохо я вас воспитала. Плохо! Сейчас будете у меня все полы драить! А ты!.. – Голос её был хриплым, надрывистым. Она указала на Эйна, потом подумала и сбавила тон, – ладно уж... ты хоть до вечера управься. Тебе Веди ещё одно деревце покажет. Его тоже надо. То древесина живая, особенная, её дым нечисть отпугивает. Но и отомстить она может, так что аккуратнее. Задобрить её надо или усыпить перед рубкой. На обед не приходи, у нас двухразовое питание. Занимайся.

С этими словами она взяла оружие подмышку и потащила детей в дом, оставив Эйна с деформированным, словно неудавшаяся глиняная скульптура, мальчиком.

«Один разумный калека всяко лучше двух моральных инвалидов». – Подумал Эйн и принялся дальше размахивать одной рукой, попутно расспрашивая Веди обо всём, что его интересовало в их повседневной жизни.

Один из отдаленных безымянных миров. Человек в тёмном одеянии завис высоко над землёй. В его руках вихрем буйствовала чёрная сфера. Она закручивалась, порождая вокруг огромные торнадо и поглощала, втягивала в себя сами облака. Усталость не сходила с бледного лица, одежда и волосы развевались на ветру. Нескончаемые потоки иглами лезли в глаза, перехватывали дыхание, однако за бессилием своим разбивались об его удрученное спокойствие.

Многими верстами ниже копошились в непреодолимом ужасе многочисленные табуны разумных существ. Бескрайние поля золотящихся колосьев усеивали колпаки белых юрт и черные пятна, меж которыми насались обитатели гибнущей планеты. Они кучковались друг подле друга в надежде на спасение или, может, желали в последний раз увидеть своих близких. Пар-

нокопытные с человеческим торсом устремляли свой взор в небеса, молили о пощаде, но всё тщетно. Ужасающее проклятье. Чума в мгновение ока распространялась и пожирала всё живое и неживое на своем пути.

Находящиеся в отдалении от очага еще недоумели о своей наивности. Они с радостью встретили рассвет и собирались вновь пойти на охоту за огромными кабанами, ютящимися в редкой полосе лесов, но рассудок помутился в здравых умах. Сначала острые глаза охотников заметили пигментацию на собственных телах. Тёмные подкожные пятна, как синяки. Они медленно расширялись и чесались, причиняя невероятную боль. Первое чувство – страх за свою жизнь. Неотъемлемая истина, справедливая для каждого. Самосохранение есть эволюция, как эволюция может быть эгоизмом? И второе – страх за жизнь, нет, состояние своих близких. Страх мерзкой, коварной и склизкой натуры. Страх оказаться единственным, кому не повезло, или страх остаться незамеченным, не сопережитым. И не на кого уповать. Некого винить. Пятна разрастались и соединялись вместе, образуя темное полотно. Кентавры чесали пораженные чумой места, сдирая с них лишь золистую труху. Они кричали в агонии, вторя друг-другу в ответ. Трава под копытами тлела, оставляя на земле следы пожарища. Децимация миров и ни одной искорки не было в этом коллапсе. Ни одной иллюзии на жизнь. Лишь потемневшие небеса, олицетворившие в нутре своем неотвратимую смерть.

Человек в тёмных одеяниях не смел опустить взгляд. Крик душ терзал его ножом по стеклу. Он терпеливо ожидал момента кульминации, когда в его голове раздался голос, нарушивший недожую концентрацию.

«Братик, я нашла! Нашла точку выхода! Она всё это время была рядом, в той же группе Энсим. Жду твоего появления».

Рука Мидира дрогнула и затряслась. Он понял, что теряет контроль над феноменом и поспешно выронил его вниз, в бушующий вихрь всепожирающих ураганов. Та же за считанные доли секунды достигла земли и зависла в локте от нее. Вызванный аномально скорым снижением, воздушный удар цунами поднял толстый слой золы, оголив гладкую, как обсидиановое стекло почву. Планетарная сфера превратилась в хрупкую новогоднюю игрушку, способную расколоться от единого прикосновения. Тела мёртвых существ на расстоянии нескольких верст от эпицентра волны рассыпались в прах. Теперь целый мир напоминал безжизненную пустыню. Кладбище чаяний и надежд великой цивилизации. Тёмная сфера пошла рябью, заволновалась и стала аморфной, тягучей. Она неспеша двинулась вниз, растворяясь в измененной до неузнаваемости среде. След темного бога уже давно растаял и лишь крошащийся на части мир напоминал о недавнем его присутствии.

– Вам понравилось использовать мою силу, господин Мидир? – существо, сказавшее это, выглядело по человеческим меркам ну просто ужасно. Горбуна с ног до головы покрывали огромные волдыри, воспаления и коросты. Он улыбался гнилой улыбкой, смотрел воспаленными глазами, а руками не расставался с пластмассовой машинкой в красных цветах.

– Хорошо, Пестис. Можешь возвращаться в свой мир. Впредь я буду вызывать тебя чаще. Не думал, что чума – столь эффективный способ жатвы, однако полностью контролировать процесс крайне затруднительно даже для меня.

– Скромность губит таланты. Не говорите так, господин Мидир. Вы с первого раза смогли безошибочно использовать незнакомую вам силу, да еще в таком масштабе. Меня всегда восхищала ваша стойкость и преданность делу. Но теперь прошу, верните её... – он вытянул вперед гнойную руку, длинные ногти на которой отслаивались и ломались.

Тёмный бог, увидев просящий жест, поднес когтистую длань с цепями к своему глазу и подцепил желтоватую радужку, переливающуюся маслянистыми пятнами. Он аккуратно вложил её в руку коллеги, после чего тело и одежда того стали рассыпаться в ту самую пепельную труху, от ног до головы. Покамест улыбалось беззубое лицо, нижняя часть тела как прах по

ветру направилась в сторону астрального перехода и скрылась в молочно-белой пелене за распахнутыми золотыми воротами.

Мидир наблюдал вслед за уходящим богом, а когда остался совсем один, прошептал себе под нос: «Никакой пунктуальности... и как Урос таких терпит?»

Обождая несколько секунд, он направился вслед за существом, однако путь свой держал в главный зал плеяд. Чувство долга угасило горечь. Он не сгорал от нетерпения, не злился и не был рад. Впервые за долгое время тёмный бог был серьезен и эта черта, пожалуй, явилась в нём основополагающей.

Войдя в зал без стен и сводов, минуя галерею белых колонн, он увидел Аркану. В этот раз её состояние лучилось житейским, человеческим пресыщением, а лоб подрагивал. Подобное случалось каждый раз, когда её названный братик возвращался с жатвы.

– Если он пребывал в скоплении Энсим, почему ты потратила столько времени на поиски?

– Прости. Я не думала, что он возымеет наглость оказаться так близко. В любом случае, ушло всего двое суток...

– Вот как. Во внешнем мире прошло четверо. Чертов старик, он это специально? Я же предупреждал держать временные потоки на одном уровне! Так вот почему я ждал дрянного Пестиса так долго!? – На секунду он забылся, но, выказав всю свою ярость, вновь вернулся к насущному, – ты говорила, что нашла лишь точку выхода. Почему не его местоположение?

– В прошлый раз я почувствовала перемещение на безымянной, пустой и безжизненной песчаной планете. Его астральная энергия выделялась на фоне бесконечных пустошей, но сейчас... я отчетливо ощущаю всех живых существ в этом мире, однако его аура ускользает от меня. Словно находится за туманной дымкой.

– Ясно. Что за планета?

– С именем. Лютомор, в честь грибов, что там произрастают. Заброшенный эксперимент Уроса по олицетворению астральной среды.

– Отчёт.

– За этим к Талосу. Будь добр, брат. Иногда ты забываешься в понукании мной. Я, конечно, не Истра, но делов и у самой по горло.

Мидир тягостно вздохнул.

– Без самодурства значит... что ж, это не проблема для гончих. Им не составит труда напасть на астральный след и быстро выследить его положение. Но вот пленить... ммм, – он сжал кулаки, напрягся и закрыл глаза, словно претерпевал душевную боль или неприятное внешнее воздействие. Заговорил с самим собой: «Ты правда надеялся, что я не почувствую постепенное изменение течения времени? Чем ты вообще занят?! Почему я всегда должен подгонять... кха-а... снова?» – Мидир схватился за голову, – да ты что, издеваешься... ну попадись мне в следующий раз...»

Вечером Эйн взял тарелку и направился в свою комнату. Впервые. Он практически не чувствовал усталости и во время работы волновался лишь за целостность инструмента. Даже с одной рукой, по силе превосходил самых лучших атлетов в своем мире, вот только...

«Хватит деревьев на мою голову. Начинает тошнить. И ведь всё рассчитал, угол падения, подстраховался, но нет. Трещит, валится на север и тут раз, меняет своё направление! А я от него, вокруг ствола, так оно вернулось в исходное положение и думает, ждет когда остановлюсь. Куда я, туда и оно. Минут десять бегал. Никогда бы не подумал, что буду у дерева прощения просить. Как же низко я пал», – Веди проводил его до коморки сбоку от детской. Раньше она использовалась как склад, но после обрушения пола первый этаж засыпало банками, посудой и древним сервизом. Мисаул настил обновил, да вот только из этой бойни живыми вышли лишь несколько тарелок и чашек, которые в скором тоже вышли из эксплуатации. Новую посуду

покупать было неэкономно, да и неэффективно. Семья питалась из деревянных тарелок, временами обновляемых старшим братом. Вени в целом любил вырезать по дереву. Это он, по словам Веди, унаследовал от дедушки, хоть тот и не застал внука.

Коморка два на два метра кое-как вмещала в себя подданный матрас, тумбочку и двух вмиг почивших жуков на стене. Судя по всему, была обустроена для Нидея еще два года назад и не открывалась с той поры. Пыль толстым слоем облепила все поверхности, а теперь взвилась вверх. Эйн окинул это дело взглядом, кашлянул и, ничтоже сумняшеся, пошел отдыхать в свой родной подвал.

Он не гордился этим, но смог подружиться с Веди. Мальчик проявлял большой интерес ко всему неизведанному и имел дух настоящего исследователя. Изначально Эйн хотел разговорить ребенка и узнать, где они хранят оружие, какими тропами можно добраться до деревни, сколько потайных входов выводят из дома, как здесь прибывал некий Нидей, но быстро сдался под нескончаемым потоком встречных вопросов. Пусть и смог узнать всё необходимое, умственно очень устал и желал отдохнуть. Подытожил он так. Все старые инструменты, обмундирование и оружие переехали в сарай, после обрушения склада в нежилом доме. Дорогу в деревню ведет лишь Мисаул, а перечисленного огнестрела хватит, чтобы вооружить каждого члена семьи. Малой намного больше знал о располагаемом хозяйстве чем его сверстники, перелазав все кладовые и ведя подсчет всему инструменту, подражая отцу. Этим он и заслужил уважение Эйны. А вот другие дети... они были больше привязаны к матери. Вичи, девочка, обучалась её искусству врачевания и с рождения могла видеть незримое.

«Похоже, в темноте подвала одна лишь она представляла, что я такое. Но как много видела? Голос из моих снов сказал, что каждый чувствует астральный мир немного иначе в зависимости от своих корней, взглядов на жизнь и, возможно, фантазий. Интересно, что во мне смогло разглядеть это ненастное дарование?»

И еще один факт, который немного развеял и насмешил Эйны. Лестница на второй этаж была новой в случае одного нелепого обстоятельства. Литра слишком много весила и, однажды поднимаясь вверх, хлипкая конструкция не выдержала. Пострадала она не сильно и к ритуалам прибегать не пришлось, а муж быстро восстановил подъем и укрепил двумя дополнительными опорами. К сожалению, страх повторения подобной трагедии никуда не делся, и вскоре перерос в боязнь высоты. Эйн же решил, что подниматься вверх не было сильной необходимости. Его и так всё устраивало. За весь день он всего несколько раз пересекался с томной женщиной. Со стороны могло показаться, что он её избегал, однако первичное суждение было предвзятым. Избегала его она.

Итак, он сидел в глухом подвале и пытался проглотить абсолютно безвкусную кашу с тремя полосками сушеного мяса, запивая всё это водой неизвестного происхождения. После трёх суток лесного хардкора, полубог был рад расслабиться и побыть в тишине, наедине с собой. Тишине... Эйн на уровне подсознания слышал наверху топот и крики, но после тяжелого рабочего дня не мог сделать и шага в сторону лестницы. Переполох становился громче, верхняя дверь глухо скрипнула. Затем распахнулась железная дверь в подвал. К удивленному Эйну выбежал испуганный и ошарашенный Веди. Он заикался и жадно глотал воздух ртом, дополняя скомканную речь жестикующей:

– Ты ш... наверху нет... а я... хах... папка там это! Помоги!

Эйн сам не понял какой бес заставил его сорваться с места и в три прыжка вылететь из подвала. Неужели он за столь короткое он время успел проникнуться сильным уважением к этому человеку? Неужели вместе с болью ушла и злость на бедного мужчину, оставляя второе по силе чувство, сострадание? Или всё было куда как приземленнее и руководствоваться приходилось чувством собственной безопасности? Он выбежал из дома и помчал в сторону открытых ворот.

– Ыаа-аа, – рядом со входом в захлеб плакал старший. Подле него стояла сестра, поджав губами и взирая на мать. Литра тащила за ворот своего мужа и слёзы катились по её щекам. Она редко плакала и даже два года назад, когда семье приходилось голодать, а Мисаул получил свой шрам, стойко сдерживала свои чувства. Но сейчас, глядя на подранную ногу мужа и понимая, что всякая магия бессильна вернуть всё как было, грозовая туча отчаяния пролила свои капли. Увидев Эйна, рыдающим голосом она взмолилась:

– Помоги! Помоги ты! – не столько прося о помощи, сколько подсознательно пытаюсь переложить всю ответственность, забыться и отринуть действительность.

Парень вмиг очутился рядом с лесником и лишь сейчас увидел всю плачевность его состояния. Нога, плотно перетянутая жгутом выше колена, болталась как порванный лист и явно нуждалась в ампутации. Другие конечности тоже были переломаны в нескольких местах, а руки лишены большинства ногтей. Обратный путь ему, по всей видимости, пришлось преодолеть ползком и даже так, истертое временем ружьё, как верный друг осталось висеть на стойких плечах. Эйн остолбенел. В диких условиях последних экспедиций видеть подобное приходилось не раз, но каждый раз был для мужчины как первый. Он не знал, что может сказать человеку в таком состоянии, пусть и сам в нём оказывался. Не знал, как подступить, чтобы взять его на руки. Но когда наклонился, Мисаул в полубреду схватил его за ворот, подтащил поближе к себе и засипел слабым тенором:

– Хозяин леса и хозяйка глубин со своей свитой. Созвучно со словом беда. Неслись куда-то сломя голову, чудом жив остался. Как славно, что ружье заклинило, такую бы наглость они не спустили. И всё же я рад. Смог наших покровителей своими глазами увидеть, пусть даже и поплатился. Ты... побудь тут еще недельку. Я оклемаюсь, тогда и пойдем в деревню, уж Литра что-нибудь придумает, – Замолчал. Уставился на свою жену. Губы шевелились, но охотник не издавал ни звука. Однорукий Эйн схватил его за торс, взвалил на плечо и потащил в дом. Он понимал, что ребра тоже могут быть сломаны, однако не предполагал других возможностей быстро переместить мужчину.

«Не повезло ему. Каков шанс выйти и наткнуться на беду? Литра велела сидеть в подвале и всё бы ничего, но есть один нюанс, причиняющий дискомфорт и шепчущий безумием. Словно месть за грязные мысли, кармическое наказание за прошлые проступки, ведь в подвале она закрыла ещё и детей. Орущих и плачущих детей. Ну, во всяком случае двоих. Младший держится спокойно и теперь я понял, чем он отличается от отца. Веди умеет думать наперед».

Мальчик сидел, уставившись в кирпичную стену, размышлял о чём-то своём. Такому самообладанию можно было позавидовать, но Веди не видел и половину того, что видел Эйн. Парня будет в кошмарах преследовать картина того, как он наточенным топором рубил сочленения неподатливой плоти и дробил кость. Единственный наркоз, который Литра дала Мисаулу – три жевательных листочка и благовония, коими недавно морила его самого в подвале.

«Мисаул может не выжить, тогда что ожидает меня? Лучше бежать прямо сейчас? Когда железная дверь начнет отворяться, выбить её со всех сил и броситься наутек, заведомо прихватив ружье...»

– Пошли, – не успел Эйн закончить свою мысль, как тонкий голос выдернул его из состояния отрешенности. За бесконечными рыданиями Вени он совсем не услышал скрип железных петель. Литра стояла в проходе. На её лице выступали нотки усталости с вкраплениями печали. Прошла добрая пара часов с момента оказания незамедлительной ампутации и всё это время она делала то, что умеет лучше всего. Защищала будущее своей семьи, и кто знает, что послужило оружием на этот раз. Амулет на шее пропал, а правая рука, которую она прятала за спину, чтобы не пугать детей, оказалась испещрена многочисленными ритуальными порезами. Фиолетовая дымка вокруг её тела ослабла, энергия жизни ускользала как песок, сквозь сжатые пальцы. Медленно, но неотвратимо.

Эйн поднялся наверх первый. Для женщины было крайне затруднительно преодолевать наклонные и вертикальные поверхности, потому и ждать её пришлось... долго. Парень уже давно имел некие догадки насчет того, из-за чего могли голодать дети два года назад.

Мужчина лежал на кровати, весь в бинтах и тягунчике. Со стороны было сложно понять, находится ли он в сознании, как и оценить общее состояние, но зрея в самую суть диагноз прояснялся. Первым в глаза бросался амулет с аметистом на его шее.

«Не жалец. Дело идет к беде. Не уверен, знает ли она, но за прошедшие сутки цвет их кожи сменился под стать мертвецам. Отвратительная дилемма – своей ложью медленно и мучительно убивать человека. Я отплатил ему за зло ещё большим злом. Звучит злопамятно. Придя в этот мир, обрёл их на смерть. Даже сейчас ощущаю, как рушу нечто связующе-крепкое. Воздвигнутое долгими годами семейных уз».

Литра, наконец догнала Эйна и встала рядом с ним.

– Мне нужно уложить детей. Приглядывай. Эта ночь станет для него решающей, – она чуть помедлила, развернулась и уйдя за перегородку добавила, – и для тебя тоже.

Кулаки сжались сами собой: «Она либо крайне храбра, чтобы угрожать мне... либо крайне глупа, чтобы не понимать этого». – Он нахмурился, подтащил стул к полуживому Мисаулу и, усевшись, стал вслушиваться в его ровное дыхание. Уже что-то.

«Создается стойкое ощущение дежавю. И атмосфера гнетет. А месть не так сладка, как я её себе представлял»

– Воды... – Эйн среагировал на слабый голос и уголки его губ дернулись. Приподняв голову мужчины легким движением руки, напоил его из стоящей рядом кружки.

Высохшими губами тот жадно смаковал каждую каплю чистой жидкости и даже не смотрел на полубога. Опорожнив сосуд, Мисаул в полубреду прохрипел: «Ещё воды. Больше воды».

«Как я тебя понимаю...»

Эйн хотел звать хозяйку, но вовремя заметил, как заснул его пациент. Ну или просто потерял ко всему интерес. Или умер. Так или иначе, даже дыхание его стало вялым и чуть ели слышимым.

– Эйн это ты..? – спустя пару минут мужчина заговорил. Видимо, сознание еще не до конца оставило искалеченное тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.